

Осколки чести

Автор:

[Лоис Буджолд](#)

Осколки чести

Лоис Макмастер Буджолд

Вселенная Майлза Форкосигана #2

Вселенная Лоис Макмастер Буджолд – это Вселенная могущественных супердержав и долгих, жестоких войн. Вселенная тонкой политической игры и изощренных придворных интриг.

И, конечно же, самое главное – это Вселенная одного из самых запоминающихся персонажей научной фантастики – Майлза Форкосигана, полководца, путешественника, дипломата, придворного и, наконец, просто героя.

Пэт Рид – гласу вопиющего в пустыне

Глава 1

Над темным лесом поднималось море тумана – мягкого, серого, мерцающего. На вершинах скал туман становился ярче: утреннее солнце уже начинало пригревать, но в ущелье царил прохладный, безмолвный сумрак.

Командор Корделия Нейсмит оглянулась на ботаника из своей группы и, поправив ремни снаряжения, снова начала карабкаться вверх, с трудом переводя дыхание. Смахнув с глаз прядь потемневших от влаги медных волос, она нетерпеливо заколола ее на затылке. Да, следующий район исследований надо будет выбрать пониже. Сила тяжести на этой планете чуть меньше, чем на

их родной Колонии Бета, но работать в разреженном горном воздухе все равно чертовски трудно. Лес становился гуще. Следуя по сырой тропе, проложенной в ущелье ручьем, они пробирались по живому туннелю, пока наконец не вышли на открытую местность.

Утренний ветерок уносил последние волны тумана с золотых лугов, раскинувшихся на горных террасах. Они уступами поднимались к серой громаде центральной вершины, увенчанной сверкающим ледником. Незнакомое солнце сияло в бирюзовом небе, и в его лучах переливались золотистые травы, крошечные цветы и разбросанные повсюду матовые кружева какого-то вьющегося растения. Двое исследователей зачарованно смотрели на объятую тишиной гору.

Ботаник, мичман Дюбауэр, улыбнулся Корделии и опустился на колени рядом с каким-то серебристым кустиком. Она направилась к ближайшему уступу, чтобы получше осмотреть местность. На пологих склонах заросли становились гуще. А пятьюстами метрами ниже тянулись облака, уходя за горизонт. Всюду, куда ни глянь – бесконечная серая пелена, и только далеко к западу меньшая сестра их вершины пробивалась сквозь это застывшее море.

Корделия подумала было о том, как хорошо оказаться внизу, на равнине, чтобы впервые увидеть, как с неба падает дождь, но в этот миг ее отвлекло неожиданное зрелище.

– Интересно, что там мог запалить Роузмонт, чтобы развести такую вонь? – пробормотала она.

Где-то неподалеку от них, клубясь, вырастал маслянисто-черный столб дыма. Потоки воздуха размывали его, но все же было очевидно, что дым поднимается от базового лагеря.

Тишину прервал отдаленный шум, быстро усилившийся до громовых раскатов. Из-за уступа вырвался их планетарный катер и взмыл к небу, оставляя за собой огненный шлейф выхлопной струи.

– Вот это взлет! – воскликнул Дюбауэр, задрал голову и провожая взглядом катер.

Корделия торопливо настроила коммуникатор ближней связи и заговорила:

– Нейсмит вызывает Базу Один. Выходите на связь.

Единственным ответом было потрескивание и шипение пустого эфира. Она дважды повторила вызов, но по-прежнему безрезультатно. Мичман, переминаясь с ноги на ногу, обеспокоенно заглядывал ей через плечо.

– Попробуй-ка свой, – сказала она. Но ему повезло не больше, и Корделия распорядилась: – Пакуй пожитки, мы возвращаемся в лагерь. И живо!

Задыхаясь, они потрусили к нижнему уступу, снова нырнув в заросли леса. На такой высоте здешние деревья – чахлые, но раскидистые – то и дело падали и переплетались. Во время подъема лес выглядел художественно-беспорядочно, но при спуске он превратился в грозную полосу препятствий. Продираясь сквозь путаницу ветвей, Корделия прокручивала в уме сценарии возможных катастроф – но каждый новый вариант казался еще невероятнее предыдущего. «У страха глаза велики», – подумала она, стараясь справиться с паникой.

Но вот пройден последний участок леса, и перед ними открылась большая поляна, выбранная для базового лагеря. Взглянув туда, Корделия беззвучно ахнула: реальность оказалась страшнее любых фантазий.

Дым шел от пяти обуглившихся черных холмиков, полчаса назад бывших аккуратным кольцом палаток. Там, где стоял их катер – на другой стороне ущелья, напротив лагеря, – виднелось пятно выжженной земли – след старта. Повсюду валялось разбитое оборудование. Она посмотрела туда, где размещались их бактериологически защищенные санитарные помещения. Увы, даже сортиры были сожжены.

– Боже, – выдохнул Дюбауэр и неверными шагами, как сомнамбула, двинулся вперед. Корделия едва успела схватить мичмана за шиворот.

– Ложись и прикрывай меня, – приказала она и, поминутно оглядываясь, направилась к молчаливым руинам.

Трава вокруг лагеря была смята и обожжена. Потрясенный разум Корделии безуспешно пытался найти какое-нибудь объяснение происшедшему. Не замеченные прежде аборигены? Нет, ткань палаток не расплавить ничем, кроме плазменной струи. Давно ожидаемые, но пока еще никем не встреченные новые цивилизации? Что-то не похоже. Или какая-то внезапная эпидемия, губительный вирус, ускользнувший от внимания автоматических биоанализаторов? Может, сожжение было попыткой дезинфицировать лагерь? Агрессия со стороны правительства какой-нибудь другой планеты? Возможно, хотя вряд ли нападавшие проникли сюда через тот пространственно-временной туннель, который открыли они сами. Но ведь ими обследовано не больше одной десятой пространства в радиусе светового месяца от этой системы... Или все же другая цивилизация?

Корделия почувствовала, что мысль ее мечется по кругу, словно белка в колесе. Она мрачно бродила по пепелищу в поисках какой-нибудь подсказки.

Разгадка нашлась в травяных зарослях на полпути к ущелью. Высокий долговязый человек в светлой форме Астроэкспедиционного корпуса лежал на земле, странно раскинув руки и ноги, словно подстреленный на бегу. Корделия осторожно перевернула его – и вскрикнула от ужаса.

Да, это был добросовестный трудяга, лейтенант Роузмонт. Его остановившийся взор, казалось, все еще хранил озабоченное выражение. Корделия, тяжело вздохнув, закрыла мертвому глаза.

Но в чем причина смерти? Крови нет, ожогов и переломов тоже... Ее пальцы коснулись головы убитого. Ах, вот в чем дело. Кожа под светлыми волосами покрыта волдырями – след действия нейробластера. Стало быть, о других цивилизациях можно забыть. С минуту она держала голову лейтенанта у себя на коленях, беспомощно, как слепая, глядя знакомое лицо, потом медленно опустила его на траву. Сейчас не время оплакивать мертвых.

Она на четвереньках вернулась к обуглившемуся кольцу и начала рыться в останках палаток в поисках коммуникационного оборудования. Искореженные куски пластика и металла свидетельствовали о том, что нападавшие поработали на славу. Похоже, что многое из ценного оборудования вообще исчезло.

Зашуршала трава. Корделия вскинула пистолет-парализатор и застыла. Из путаницы золотистых стеблей вынырнула физиономия Дюбауэра.

– Это я, не стреляйте. – Мичман говорил придушенным голосом, долженствовавшим изобразить шепот.

– Чуть не выстрелила! Почему ты не остался на месте? – прошипела она в ответ. – Ну ладно, помоги искать комм, надо поскорее связаться с кораблем. И не вставай в полный рост – они в любую минуту могут вернуться.

– Кто может вернуться? Кто все это сделал?

– Множество вариантов, выбирай любой: новобразильцы, барраярцы, цетагандийцы – кто-нибудь из этой компании. Рег Роузмонт погиб. Нейробластер.

Корделия переползла к груде, некогда бывшей палаткой с образцами, и внимательно осмотрела ее.

– Поддай-ка мне вон тот шест!

Она осторожно разворошила кучу углей. Палатки перестали дымиться, но волны жара все еще жгли лицо, как лучи летнего солнца на родине. Распавшаяся ткань разлеталась, как сгоревшая бумага. Подцепив шестом полурасплавленную тумбочку, Корделия выволокла ее на открытое место. Нижний ящик не расплавился, но сильно покособился. Она обернула руку краем рубашки и попыталась его открыть, но безуспешно, ящик заклинило.

После нескольких минут поисков им удалось обнаружить некое подобие молотка и стамески – плоский осколок металла и тяжелый слиток, в котором она с грустью узнала некогда высокоточный и очень дорогой метеорологический датчик. С помощью этих примитивных инструментов и определенных физических усилий со стороны Дюбауэра им удалось выдернуть ящик – при этом раздался громкий треск, похожий на выстрел, так что они оба подскочили.

– Повезло! – воскликнул Дюбауэр.

– Давай отнесем его к ущелью и там опробуем, – сказала Корделия. – А то у меня мурашки по спине бегают. Сверху нас тут любой увидит.

Все еще пригибаясь, они быстро пробежали к лесу. Дюбауэр оглянулся на тело Роузмонта и воскликнул:

– Тот, кто это сделал, еще поплатится!

Корделия только покачала головой.

Спрятавшись под защитой каких-то растений, напоминавших папоротник, они опробовали передатчик. Сначала аппарат только потрескивал и печально гудел, потом отключился. Но когда по нему постучали и хорошенько встряхнули, он выдал сигнал готовности. Отыскав нужную частоту, Корделия заговорила:

– Командор Нейсмит вызывает экспедиционный корабль «Рене Магритт». Отвечайте, пожалуйста.

После мучительных секунд ожидания раздался слабый, прерываемый помехами ответ:

– На связи лейтенант Стюбен. С вами все в порядке, капитан?

Корделия немного воспрянула духом.

– Пока – в порядке. Как вы? Что произошло?

Послышался голос доктора Аллери – старшего после Роузмонта офицера экспедиции:

– Наш лагерь окружил барраярский военный отряд и потребовал, чтобы мы сдались. Они заявили, что эта планета принадлежит им по праву первооткрывателей. Потом какой-то воинственный идиот с их стороны выпалил из плазмотрона – и тут началось. Рег со своим парализатором отвлек их, а остальные бросились к катеру. Здесь, наверху, – барраярский корабль класса «генерал», мы с ним играем в прятки, если вы понимаете, что я хочу сказать...

– Не забывайте, мы говорим открытым текстом, – резко напомнила Корделия.

Доктор Аллери мгновение поколебалась, потом продолжила:

– Ясно. Они все еще требуют, чтобы мы сдались. Вы не знаете – они поймали Рега?

– Со мной Дюбауэр. Местонахождение всех остальных известно?

– Всех, кроме Рега.

– Рег погиб.

Шипение помех наложилось на проклятия Стьюбена.

– Стю, теперь ты командуешь кораблем, – прервала его Корделия. – Слушай внимательно. Этим чертовым милитаристам нельзя – я повторяю: нельзя – доверять. Ни в коем случае не сдавай корабль. Я видела секретные доклады по крейсерам «генерал». Они превосходят вас вооружением, защитой и личным составом – но у вас по меньшей мере двойной выигрыш в скорости. Так что отрывайся и не подпускай их к себе. Отступай хоть до самой Колонии Бета, если понадобится, но не рискуй моими людьми. Понял?

– Мы не можем вас бросить, капитан!

– Ты не можешь отправить за нами катер, если не скинешь с хвоста этих баррарцев. А если мы попадем в плен, гораздо больше шансов выволить нас по дипломатическим каналам, чем с помощью какой-нибудь идиотской попытки освобождения. Но для этого вам надо добраться до дома! Ты меня понял? Подтверди! – потребовала она.

– Вас понял, – неохотно ответил Стьюбен. – Но, капитан, сколько времени, по-вашему, вы сможете скрываться от этих полоумных недоносков? Они в конце концов вас поймают. Заметят с воздуха.

– Сколько получится. А вы двигайтесь побыстрее! – Корделия иногда представляла, как ее экипаж будет действовать без нее – но никогда без

Роузмонта. Сейчас самое главное – удержать Стьюбена от военных игр. Барраярцы не дилетанты. – И помни, – продолжала она, – что от тебя зависят жизни пятидесяти шести человек. Ты ведь считать умеешь? Пятьдесят шесть больше, чем две. Не забывай об этом, ладно? Нейсмит связь закончила.

– Корделия... счастливо. Стьюбен связь закончил.

Выключив коммуникатор, она уселась поудобнее и вздохнула.

– Ну и странные делишки!

– Что-то слабо сказано, – фыркнул Дюбауэр.

– Сказано точно. Не знаю, обратил ли ты...

Тут она заметила какое-то движение и вскочила на ноги, потянувшись к своему парализатору. Но высокий остролицый барраярский солдат в зелено-сером пятнистом камуфляже двигался быстрее. Однако самой молниеносной оказалась реакция Дюбауэра, успевшего метнуться вперед и отпихнуть Корделию. Уже падая в ущелье, она услышала треск нейробластера. Парализатор и коммпередатчик вырвались из рук, а лес, земля и ручей закружились в безудержном танце. Потом ее голова с размаху ударилась обо что-то, в глазах вспыхнул фейерверк, и все поглотила тьма.

Мягкий ковер мха приятно охлаждал щеки. Корделия вздохнула глубже, расправляя легкие – и тут гнилостное зловоние заставило ее желудок сжаться. При попытке подняться голова взорвалась вспышкой острой боли.

Темные искристые вихри закружились перед глазами, потом стали исчезать. Она постаралась сфокусировать взгляд на ближайшем предмете, находившемся примерно в полуметре от ее головы.

...Тяжелые черные ботинки залеплены грязью; выше начинаются пятнистые зелено-серые камуфляжные брюки. Ноги расставлены в позе «вольно». Она проглотила измученный стон, потом очень осторожно и медленно повернулась на бок, чтобы лучше видеть барраярского офицера.

Парализатор! Маленький серый раструб дула уставлен прямо на нее. Тут Корделия вспомнила про нейробластер. Пояс барраярца был увешан разными приспособлениями, но кобура нейробластера на правом бедре пустовала – так же, как и кобура плазмотрона на левом.

Он был невысок – примерно с нее ростом, но коренаст и крепок. Черные волосы, тронутые сединой, холодные пристальные серые глаза... По строгим военным меркам Барраяра вид у него был не слишком опрятный – комбинезон измят, непокрытая голова взлохмачена, на правой скуле – свежая ссадина. «Похоже, у него тоже был отвратительный день», – тупо подумала Корделия.

Искристые черные вихри стали расти и снова ее поглотили.

Когда к ней вернулось сознание, вражеских ботинок в поле зрения не было. Где же... Ах, вот он – удобно устроился на поваленном дереве. Она попыталась отвлечься от своего бунтующего желудка, но безуспешно.

Ее начало рвать; барраярец, глянув на это зрелище, пошевелился, но остался сидеть. Когда спазмы утихли, Корделия доползла до ручейка, журчавшего в нескольких шагах, умылась и прополоскала рот ледяной водой.

Почувствовав некоторое облегчение, она села и хрипло осведомилась:

– Ну, что дальше?

Офицер склонил голову, изобразив вежливое приветствие.

– Я капитан Эйрел Форкосиган, командующий барраярским имперским военным крейсером «Генерал Форкрафт». Назовитесь, пожалуйста.

Приятный низкий голос звучал почти без акцента.

– Командор Корделия Нейсмит. Астроэкспедиция Беты. Мы исследовательская группа, – возмущенно подчеркнула она. – Не армейская часть.

– Я это заметил, – сухо проговорил он. – Что стало с вашей командой?

Корделия сузила глаза.

– Разве вас при этом не было? Я работала выше по склону, ассистировала ботанику. – Голос ее тревожно дрогнул: – Вы не видели мичмана Дюбауэра – моего ботаника? Он толкнул меня в это ущелье, когда на нас напали...

– Темноволосый паренек?

Сердце ее оборвалось в тяжелом предчувствии:

– Да.

– Теперь вы ему уже ничем не поможете.

– Убийцы! У него же не было ничего, кроме парализатора! – Она кинула на барраярца испепеляющий взгляд. – Почему на моих людей напали?

Офицер задумчиво похлопал стволом по ладони.

– Вашу экспедицию, – он тщательно подбирая слова, – следовало интернировать, желательно мирным путем, за нарушение барраярского пространства. Имел место конфликт. Мне в спину ударили лучом парализатора. Когда я пришел в себя, ваш лагерь был в том виде, каким вы его нашли.

– Прекрасно. – К горлу подступила желчь. – Очень рада, что Рег попал в одного из вас, прежде чем вы его убили.

– Если вы говорите про того беднягу, что остался на поляне, то он не сумел бы попасть и в дом. Не знаю, зачем вы, бетанцы, надеваете военную форму. Подготовка у вас – как у детишек на пикнике. Похоже, ваши звания связаны лишь с размером получаемой платы.

– Он был геолог, а не наемный убийца, – отрезала она. – А что до моих «детишек», так ваши солдаты даже не смогли их поймать.

Брови его сдвинулись, и Корделия прикусила язык. «Великолепно, – подумала она. – Он еще не начал выкручивать мне руки, а я уже разоткровенничалась».

– Да что вы говорите? – отозвался капитан Форкосиган. Он указал на лежавший в ручье разбитый комм. – И какой же приказ вы отдали своему кораблю, когда удостоверились, что ему удалось скрыться?

– Я велела им проявить инициативу, – туманно пробормотала она.

– Самый подходящий приказ для бетанцев, – фыркнул он. – По крайней мере можно не сомневаться, что они ему последуют.

«Лучше не надо. Так, теперь моя очередь».

– Ладно, я-то знаю, почему нахожусь здесь – а вот вас почему оставили? Разве командир корабля, пусть даже у барраярцев, не слишком важная фигура, чтобы его терять? – Она выпрямилась. – И если Рег не мог бы попасть даже в стену дома, то кто попал в вас?

«Вот тебе, довыпендривалась», – подумала она. Парализатор снова нацелился ей в живот. Но барраярец, видимо, не собирался стрелять, а только сказал:

– Это вас не касается. У вас есть еще один комм?

Ого! Не столкнулся ли этот солдафон с чем-то вроде мятежа? Да погибнут все враги!

– Нет. Ваши люди все уничтожили.

– Ничего, – пробормотал Форкосиган. – Я знаю, где взять новый. Вы можете идти?

– Не знаю.

Корделия заставила себя подняться на ноги и прижала руку к раскалывающейся голове.

– Это всего лишь сотрясение мозга, – без тени сочувствия заметил Форкосиган. – Прогулка будет вам на пользу.

- Далеко идти? – охнула она.

- Примерно двести километров.

Корделия снова упала на колени.

- Желаю приятно прогуляться.

- Я прошел бы это расстояние за два дня. Наверное, вам понадобится больше, хотя вы и геолог, или кто там еще...

- Я астрокартограф.

- Встаньте, пожалуйста.

Он снизошел до того, что поддержал ее под локоть, помогая подняться. Казалось, ему почему-то не хочется к ней прикоснуться. Она промерзла до костей: тепло его руки ощущалось даже через толстую материю рукава. Форкосиган начал решительно подталкивать Корделию вверх по склону.

- Вы серьезно? – изумилась она. – И что вы собираетесь делать с пленной во время форсированного перехода? А если я размозжу вам камнем голову, пока вы будете спать?

- Я рискну.

Они добрались до края ущелья. Тяжело дыша, Корделия уцепилась за какое-то тоненькое деревцо и с завистью заметила, что Форкосиган даже не запыхался.

- Ну, так. Я никуда не пойду, пока не похороню моих офицеров.

- Пустая трата времени и сил, – раздраженно проговорил он.

- Я не оставлю их на съедение зверям. Понятно? Может, ваши барраярские головорезы лучше умеют убивать, но ни один из них не мог бы умереть более достойно.

Секунду он молча смотрел на нее (лицо его оставалось непроницаемым), потом пожал плечами:

– Хорошо.

Корделия начала пробираться вдоль края ущелья.

– Я думала, это было здесь, – озадаченно сказала она. – Вы его куда-то перетащили?

– Нет. Но в его состоянии нельзя было далеко уползти.

– Но вы же сказали, что он мертв!

– Он почти мертв. Мертв его мозг, хотя тело все еще живо. Видимо, импульс нейробластера не задел мозжечок.

Корделия зашагала по помятой траве, Форкосиган молча следовал за ней.

– Дюбауэр! – Она бросилась к фигуре в бежевом комбинезоне, скорчившейся в папоротниках. Услышав ее голос, он перевернулся, резко вытянулся, – и вдруг судорога потрясла все его тело; по нему словно пробежали какие-то волны, губы растянулись в странной ухмылке. «Замерз?» – изумленно подумала она, опускаясь на колени, но тут же сообразила, в чем дело. Вытянув из кармана платок, она поспешно сложила его и засунула ему между зубов. Губы мичмана были прокушены во время предыдущих приступов. Примерно через три минуты дрожь прекратилась, он вздохнул и снова обмяк.

Она озабоченно осмотрела его. Дюбауэр открыл глаза и, беспомощно ловя ее руку, издал что-то вроде жалобного поскуливания. Она, успокаивая, погладила его по голове и вытерла с подбородка кровавую пену. Раненый затих.

Корделия повернулась к Форкосигану. Слезы ярости и боли застилали ей глаза.

– Он не мертв! Вы лгали! Он жив, и ему нужна медицинская помощь!

– Не надо закрывать глаза на реальность, командор Нейсмит. Удары нейробластера не излечиваются.

– Вот как? Сейчас еще неизвестно, насколько изувечило его ваше гнусное оружие. Он по-прежнему видит, слышит и чувствует – вы не можете назначить его трупом по своему желанию!

Лицо офицера напоминало бесстрастную маску.

– Если вам угодно, – сдержанно произнес он, – я могу прекратить его мучения. Мой боевой нож заточен, как бритва. Если действовать быстро, им можно практически безболезненно перерезать горло. Или, если вы сочтете это своим командирским долгом, сделайте это сами.

– Вы так поступили бы с кем-нибудь из своих людей?

– Конечно. И они сделали бы для меня то же. Никто не захотел бы длить подобную жизнь.

Она встала и пристально посмотрела на него.

– В таком случае, быть барраярцем – означает жить среди каннибалов.

Оба надолго замолчали. Наконец тишину нарушил стон Дюбауэра. Форкосиган шевельнулся и сухо спросил:

– Что же вы собираетесь с ним делать?

Корделия устало растирала виски, гадая, какой мольбой смягчить этого безжалостного человека. Ее тошнило, язык стал ватным, ноги дрожали и подгибались от усталости, боли и голода.

– А куда именно вы планируете идти? – с трудом спросила она, не зная, с чего начать.

– Здесь есть наш тайный склад. Дорогу я найду. Там оборудование для связи, оружие, пища... Если я доберусь туда, то смогу... э-э... буду в состоянии

справиться со всеми проблемами.

- На складе есть лекарства?

- Да, - неохотно признался он.

- Ладно. - Надежды практически нет, но надо попробовать. - Я буду с вами сотрудничать, дам слово чести быть вашим пленником, всячески помогать вам - конечно, при условии, что это не поставит под угрозу мой корабль, - если вы позволите взять с собой мичмана Дюбауэра.

- Это исключено. Он даже идти не может.

- Думаю, что сможет, если ему помогать.

- А если я не позволю? - В его голосе прозвучало явное раздражение.

- Тогда вам придется либо оставить нас обоих, либо убить.

Стараясь не смотреть на нож, она подняла подбородок и стала ждать.

- Я не убиваю пленных.

Корделия с облегчением услышала, что он употребил множественное число. Значит, барраярец все-таки вернул Дюбауэру человеческое звание. Она снова опустилась на колени, чтобы скорее помочь раненому встать, пока этому Форкосигану не вздумалось закончить спор, парализовав ее и добив беспомощного ботаника.

- Хорошо, - сдался он, бросив на нее странный пристальный взгляд. - Берите его с собой. Но нам надо поторапливаться.

Ей удалось поднять мичмана на ноги. Двигался он с трудом, то и дело обвисая у нее на плечах, но выбирать не приходилось. Похоже, он мог слышать, но не понимал смысла речи.

– Вот видите, – отчаянно оправдывалась Корделия, – он может идти. Ему просто надо немного помогать.

Они добрались до края прогалины. Последние лучи вечернего солнца прочертили ее длинными черными тенями, превратив в подобие огромной тигровой шкуры. Форкосиган остановился.

– Будь я один, – сказал он, – я отправился бы к складу только с тем НЗ, который у меня на поясе. Но раз мы втроем, лучше сначала обыскать лагерь – может, там найдется какая-то пища. Я пойду погляжу, а вы тем временем можете похоронить вашего офицера.

Корделия кивнула.

– Заодно поищите что-нибудь, чем можно копать. Мне надо сперва позаботиться о Дюбауэре.

Он лишь махнул рукой и направился к сожженному кольцу палаток. В обуглившихся кучах ей удалось откопать два полусгоревших спальных мешка – но там не нашлось ни одежды, ни лекарств, ни мыла, ни даже ведра, в котором можно было бы согреть воду. Смирившись с неизбежностью, Корделия подвела мичмана к ручью, раздела его, вымыла, промыла царапины и, как смогла, отстирала его брюки в холодной воде. Потом вытерла спальным мешком, снова надела на него нижнюю рубашку и куртку, а вокруг бедер обмотала второй спальным мешком – наподобие саронга. Дюбауэр дрожал и стонал, но не сопротивлялся.

Тем временем Форкосиган отыскал две коробки с питанием: этикетки сгорели, но сама упаковка не пострадала. Корделия вскрыла один пакетик, добавила воды из ручья, попробовала. Оказалось – овсянка на соевом молоке.

– Хорошо, – заметила она, – самая подходящая еда для больного. А что в другой коробке?

Форкосиган уже проводил собственный эксперимент. Он тоже развел водой содержимое своего пакетика, перемешал и понюхал получившееся блюдо.

– Что-то не пойму, – признался он, протягивая Корделии результат своих трудов. – Пахнет довольно странно. Он не мог испортиться?

В пакете оказалась белая паста с резким запахом.

– Все в порядке, – успокоила его она. – Это искусственная салатная заправка на основе сыра рокфора. – Устроившись поудобнее, Корделия задумалась над меню. – По крайней мере очень калорийно, а лишние калории нам не помешают. В этом вашем поясе случайно не найдется ложки?

Форкосиган снял с ремня какой-то предмет, оказавшийся складным дорожным набором, и молча вручил Корделии.

– Спасибо. – Корделия почувствовала странную радость, словно он сотворил у нее на глазах какое-то чудо.

Пожав плечами, Форкосиган в сгущающейся темноте снова отправился на поиски, а она начала кормить Дюбауэра. Несмотря на отчаянный голод, бедняга не мог есть самостоятельно.

Форкосиган вернулся к ручью.

– Я нашел вот это. – Он передал ей небольшую геологическую лопатку для сбора образцов почвы. – Для ваших целей не слишком удобный инструмент, но ничего лучшего пока нет.

– Это лопатка Рега, – отозвалась Корделия. – Обойдемся ею.

Она отвела Дюбауэра в сторонку и уложила на землю. Наверное, лесной папоротник можно использовать как подстилку – она решила, что попозже наберет охапку-другую. Разметив могилу неподалеку от того места, где погиб Роузмонт, Корделия принялась снимать дерн. Корни оказались крепкими, упругими и неподатливыми, и она очень быстро выбилась из сил.

Из темноты возник Форкосиган.

– Я нашел несколько люминофоров.

Надломив прозрачную трубку величиной с карандаш, он положил ее на землю рядом с могилой, и все вокруг озарилось неестественным сине-зеленым светом. Стоя рядом, барраярец критически наблюдал за работой Корделии.

Она энергично ковыряла грунт, злясь, что он на нее смотрит. «Уйди, – мысленно просила она, – дай мне мирно похоронить моего друга». Тут ей пришла новая мысль, заставившая забеспокоиться: «Может, он не позволит мне закончить... Я работаю слишком медленно...» Она заспешила.

– С такими темпами мы пробудем здесь неделю.

«А может, треснуть его лопатой? – пронеслось в голове. – Хоть разок...»

– Идите к вашему ботанику.

Он протянул руку, и до нее дошло: ей предлагают помощь!

– Ох!..

Форкосиган вытащил нож, подрезал корни травы там, где она наметила контуры могилы, и начал копать – гораздо успешнее, чем она.

– Вы обнаружили здесь какое-нибудь зверье, которое пожирает мертвечину? – спросил он, откидывая землю. – Глубоко копать?

– Точно не знаю, – ответила она. – Мы работали на планете всего три дня. Но экосистема тут довольно сложная и, похоже, фауна весьма разнообразна.

– Гм...

– Лейтенант Стьюбен, мой главный зоолог, нашел пару убитых травоядных – они были неплохо обглоданы. У одного из трупов он заметил какое-то животное, похожее на пушистого краба.

– И какого они были размера? – заинтересовался Форкосиган.

– Он не сказал. Я видела только изображения земных крабов – они не слишком крупные. Наверное, с вашу ладонь.

– Значит, метра должно хватить.

Лопата мерно поднималась и снова вонзалась в землю. Холодный свет люминофора озарял его лицо, бросая вверх, ко лбу, причудливые тени от тяжелого подбородка, прямого широкого носа, густых бровей. Сейчас барраярец напоминал Корделии сказочного короля гномов, прорубающего таинственный путь где-то в глубине своих подземных владений.

– Около палаток есть шест. Я могла бы закрепить эту свечку повыше, чтобы она освещала яму, – предложила она.

– Это было бы неплохо.

Корделия прошла к обгорелым останкам лагеря и отыскала алюминиевую стойку от палатки, которую бросила здесь утром. Вернувшись к могиле, она привязала люминофор к шесту стеблями каких-то растений и воткнула его в землю. Круг света стал шире. Вспомнив о своем намерении набрать для Дюбауэра папоротника, Корделия сделала несколько шагов к лесу – и остановилась.

– Вы слышали? – спросила она.

– Что?

Могилка была уже по колено, и барраярец немного запыхался. Теперь, после ее вопроса, он перестал копать и насторожился.

– Какой-то шорох со стороны леса.

Он с минуту прислушивался, потом покачал головой и продолжил работу.

– Сколько у нас люминофоров?

– Шесть.

Так мало! Значит, придется экономить...

Корделия только собралась спросить, не согласится ли он немного покопать в темноте, когда снова услышала шорох, на этот раз более отчетливый.

- Там и правда кто-то есть.

- Это мы знаем, - буркнул Форкосиган. - Во-прос в том...

В круг света одновременно выбежали три существа. Корделия успела заметить проворные приземистые тела, невероятно большое количество волосатых черных ног, четыре круглых бусинки-глаза и бритвенно-острые желтые клювы, которые щелкали и шипели. Животные были размером с кабана.

Форкосиган отреагировал молниеносно, ударив ближайшего зверя прямо по морде острием лопаты. Второй набросился на тело Роузмонта, вцепился в руку и попытался утащить его в темноту. Корделия схватила свой шест и ткнула ночную тварь между глазами. Клюв со скрежетом перекусил конец алюминиевого шеста, но чудовище, зашипев, отступило.

Тем временем Форкосиган успел достать нож и энергично атаковал третьего зверя, крича и пиная его своими тяжелыми ботинками. Острые роговые челюсти пропахали ему ногу, брызнула кровь - но лезвие вонзилось по рукоятку, и «краб» умчался в лес, вопя и шипя, а за ним - и двое остальных. Воспользовавшись передышкой, Форкосиган вытащил парализатор, застрявший, судя по его приглушенным проклятиям, в слишком глубокой кобуре нейробластера.

- Пушистые крабы, а? - пропела Корделия. - Ох, Стьюбен, шею тебе сверну!

Голос ее предательски задрожал, и она стиснула зубы.

Форкосиган сорвал пучок травы, стер с клинка темную кровь и вернул его в ножны.

- Пожалуй, могилы здесь надо рыть метра в два глубиной, - серьезно проговорил он. - А может, и того больше.

Корделия вздохнула, соглашаясь, и водрузила обратно изрядно укоротившийся шест.

– Как ваша нога?

– Я справлюсь сам. Вы лучше позаботьтесь о вашем мичмане.

Дремавший Дюбауэр проснулся от шума и теперь порывался куда-то ползти. Корделия удержала его, но это вызвало очередной эпилептический припадок. Вскоре он заснул, к ее глубокому облегчению.

Тем временем Форкосиган залепил себе рану пластырем из индивидуальной аптечки и снова принялся копать, но уже чуть медленнее. Когда глубина достигла его плеч, он дал Корделии ящик для сбора образцов растительности и поручил выгребать грунт.

Около полуночи он выкарабкался из ямы.

– Ну вот и все. То же самое можно было бы сделать с помощью плазмотрона за пять секунд, – проговорил он, шумно дыша. На его грязном комбинезоне даже сквозь камуфляж виднелись большие пятна пота.

От ущелья и ручья поднимались скрученные ленты тумана, и ночная прохлада становилась все ощутимей.

Вдвоем они подтащили тело Роузмонта к краю могилы. Форкосиган помедлил.

– Вы не возьмете его одежду для вашего мичмана?

Бесспорно, это было разумное предложение. Корделию оскорбляла мысль похоронить Роузмонта голым, но в то же время она досадовала, что сама не додумалась до этого раньше, чтобы согреть замерзающего Дюбауэра. Со странным ощущением снимала она одежду с окоченевшего трупа – словно раздевала гигантскую куклу.

Тело с глухим стуком упало в могилу.

– Минутку.

Корделия вынула носовой платок Роузмонта, прыгнула в могилу и закрыла им мертвое лицо. Этот бессильный, нелепый жест почему-то принес ей облегчение.

Форкосиган помог ей вылезти.

Они забросали могилу землей, гораздо быстрее, чем копали, и постарались как можно лучше утрамбовать грунт.

– Вы не желаете исполнить какой-нибудь обряд? – спросил барраярец.

Ей совсем не хотелось декламировать обезличенный текст официальной церемонии. Но она встала на колени рядом с холмиком и, как могла, помолилась за душу погибшего – конечно, не вслух, а про себя. Молитва умчалась вверх и растаяла в пустоте, бесшумная, как снежинка.

Форкосиган терпеливо ждал, стоя рядом.

– Сейчас довольно поздно, – проговорил он, – а нам уже были представлены три убедительных доказательства того, что бродить по ночам здесь не стоит. Давайте-ка отдохнем до рассвета. Я буду дежурить первым. Вам по-прежнему хочется разmozжить мне голову камнем?

– В данную минуту нет, – честно призналась она.

– Прекрасно. Я разбужу вас попозже.

Форкосиган зашагал вдоль края прогалины, прихватив с собой люминофор. Свет дрожал во мраке, как пленный светлячок. Корделия лежала на спине рядом с Дюбауэром. Сквозь густеющий туман кое-где поблескивали звезды. Может ли одна из них оказаться ее кораблем – или кораблем Форкосигана? Маловероятно – они сейчас должны быть слишком далеко.

Она чувствовала себя опустошенной. Энергия, воля, желания утекали, как сверкающая влага, и впитывались в песок бесконечности. Но, переведя взгляд на лежащего рядом Дюбауэра, Корделия заставила себя вырваться из

водоворота отчаяния. «Я по-прежнему командир, – резко напомнила она. – У меня есть подчиненный. Ты по-прежнему нужен мне, мой бедный мичман, хотя теперь не можешь быть полезен даже себе самому...»

Казалось, эта мысль была ключом к какому-то великому озарению, но тут все перемешалось – и Корделия заснула.

Глава 2

В сером утреннем тумане они разложили свое скудное имущество в самодельные рюкзаки и начали спускаться по склону. Корделия вела Дюбауэра, поддерживая его, когда он спотыкался. Неизвестно было, узнает ли ботаник человеческие лица, однако он явно предпочитал цепляться за нее и сторонился Форкосигана.

Деревья становились выше, а лес – гуще, так что Форкосигану пришлось прорубать дорогу своим ножом. Потом они пошли вдоль ручья. Сквозь кроны деревьев стали проникать солнечные лучи, высвечивая ярко-зеленые подушки мхов, сверкающие водные струи, камни, подобные россыпям медных монет.

У мелких существ, сходных с земными насекомыми, преобладала радиальная симметрия. Какие-то летающие твари, вроде воздушных медуз, целыми стаями плыли над ручьем, переливаясь всеми цветами радуги. Корделия наслаждалась редкостным зрелищем. Похоже было, что эти живые мыльные пузыри заставили смягчиться даже Форкосигана: он объявил привал на удивление быстро.

Они напились из ручья и сидели, наблюдая, как сверкающие шарики мелькают и раздуваются в брызгах водопада. Закрыв глаза, Форкосиган прислонился к стволу дерева. Корделия поняла, что он тоже смертельно устал. Оставаясь незамеченной, она с любопытством разглядывала его. В этом человеке не было ничего загадочного – просто немолодой военный, и держится он, как ему и положено – с резковатым достоинством кадрового офицера. И все же подсознание не давало ей покоя – словно она забыла что-то очень важное. Но вот память выбросила нужное слово – и Корделия, ошеломленная внезапным открытием, не удержала возгласа:

– Я знаю, кто вы. Форкосиган, Мясник с Комарры.

Она сейчас же пожалела о сказанном: он открыл глаза и посмотрел на нее. На лице его сменялись какие-то странные выражения.

– Что вам известно о Комарре?

– То же, что и всем. Маленькая скалистая планетка, которую вы захватили из-за удобного расположения пространственно-временных тоннелей. Правящий сенат сдался на ваших условиях – и моментально был уничтожен. Вы возглавляли экспедицию, и... – Тут она вспомнила, что Форкосиган с Комарры вроде бы имел звание адмирала. – Это были вы? А мне слышалось, будто вы сказали, что не убиваете пленных.

– Это был я.

– И за это вас понизили в чине? – изумилась она. Ей всегда казалось, что такого рода поведение для барраярцев в порядке вещей.

– Не за это. За то, что было потом. – Ему явно не хотелось об этом говорить, но, к ее удивлению, он все же продолжил: – Последствия удалось замять, а произошло следующее. Я дал сенаторам слово – слово Форкосигана, – что они останутся живы. А политофицер рассудил иначе, велел перебить их без моего ведома. Я его за это казнил.

– Боже правый.

– Собственными руками свернул ему шею – прямо в капитанской рубке флагмана. Видите ли, это стало личным делом – была затронута моя честь. Я не мог приказать его расстрелять: все боятся Министерства политического воспитания.

Так официально называется барраярская тайная полиция, вспомнила Корделия. Политофицеры – резиденты этого министерства в армии..

– А вы не боитесь?

– Скорее они меня боятся, – усмехнулся он. – Они вроде вчерашних трупоедов – не любят нападать днем. Но спину им подставлять не следует.

– Удивительно, что вас не повесили.

– Поднялся страшный шум, но за закрытыми дверями, – согласился он, поглаживая капитанские нашивки на воротнике. – Форкосиган пока еще не может просто раствориться в ночи. Однако я нажил сильных врагов.

– Не сомневаюсь. – Корделия решила, что этот рассказ вполне может оказаться правдой, хотя у нее не было оснований ему доверять. – А вы, случайно, вчера не... э-э... не подставили спину кому-то из ваших врагов?

– Не исключено, – медленно проговорил он, пристально глядя на нее. – Однако в связи с такой теорией возникают некоторые неувязки.

– Например?

– Я еще жив. Вряд ли они, осмелившись начать, не доведут дело до конца. Несомненно, они предпочли бы обвинить в моей гибели бетанцев.

– Ну и ну! А я-то думала, что у меня трудная задача – командовать дюжиной интеллектуалов, опекать их и понукать, следить, чтобы они работали и не перессорились.

Форкосиган чуть заметно улыбнулся.

– Судя по тому, что я слышал о бетанцах, вам тоже приходится нелегко. Я, наверное, не захотел бы поменяться с вами местами. Я бы не выдержал, если бы каждый мой приказ оспаривался.

– Они оспаривают не каждый приказ. – Корделия даже рассмеялась своим воспоминаниям. – Со временем приучаешься их улецивать.

– Интересно, где-то он сейчас, ваш корабль? – небрежно заметил барраярец.

Услыхав этот вопрос, Корделия разом утратила веселость. Нельзя забывать, что говоришь с врагом.

– Наверное, это зависит от того, где находится ваш.

Форкосиган пожал плечами и встал, поудобнее пристраивая на плечо рюкзак. Лицо его вновь стало непроницаемым.

– Тогда нам не следует терять время.

Весь этот бесконечный день они шли по предгорью, спускаясь к буро-красным равнинам. Оказавшись ближе, они увидели, что вся местность изрезана многочисленными промоинами, в которых после недавних дождей бурно пенилась вода. То тут, то там встречались выходы скальных пород. Видны были и группы пасущихся шестиногов. Травоядные вели себя очень беспокойно, и Корделия заключила, что неподалеку должны находиться и хищники.

Форкосиган хотел идти дальше, но у Дюбауэра опять начались судороги. Приступ, мучительный и долгий, сменился вялостью и сонливостью. Корделия решительно потребовала, чтобы они остановились на ночлег. Был разбит лагерь – если так можно выразиться в данном случае: они просто остановились на небольшом холме примерно в трехстах метрах над равнинным участком. Ужин из овсянки и рокфора был съеден в усталом молчании. Когда последние краски заката поблекли, Форкосиган вскрыл новый люминофор и уселся на большой плоский камень. А Корделия, растянувшись на траве, украдкой наблюдала за баррарцем, пока спасительный сон не дал отдых ноющим ногам и голове.

Он разбудил ее после полуночи. Мучительно разминая одеревеневшие мышцы, она неловко поднялась и заняла наблюдательный пост. На этот раз Форкосиган дал ей парализатор.

– Поблизости ничего не видно, – заметил он, – но вдали что-то шумит.

Корделия сочла это достаточным объяснением жеста доверия.

Наведив Дюбауэра, она устроилась на валуне, устремив взгляд на темный склон горы. Где-то там, наверху, в глубокой могиле лежал Роузмонт. Он спрятан от

клювов и желудков трупоедов, но все равно обречен на медленное уничтожение... Потом ее мысли обратились к Форкосигану, почти невидимому на границе сине-зеленого света.

Вот уж загадка так загадка. Очевидно, он принадлежит к военной аристократии Барраяра, к феодальной знати, ведущей безуспешную борьбу за власть с нарождающимся чиновничеством. «Ястребы» из обеих партий пока еще сохраняли видимость сотрудничества, совместно вырабатывая государственную политику и управляя вооруженными силами, но это не мешало им быть непримиримыми врагами. Император правил, непрерывно лавируя между двумя могущественными группировками. Было очевидно, что после смерти этого умного и хитрого старика Барраяр ждет период политической грызни, а то и открытой гражданской войны, если только преемник старого властелина не окажется действительно незаурядной личностью. Корделия пожалела, что так мало знает о традициях кровного родства и системе власти на Барраяре. Она помнила имя нынешнего императора – Форбарра – и то лишь потому, что оно было связано с названием планеты, а об остальном имела весьма смутное представление.

Осторожно касаясь пальцами парализатора, она дразнила себя: кто теперь пленник, а кто – захватчик? Но в одиночку ей не спасти Дюбауэра. Нужны продукты, медикаменты, связь, а Форкосиган не был настолько легкомыслен, чтобы сообщать точное местоположение своего тайника.

Что ж, тогда пускай сам ведет их к складу. Кроме того, она связана обещанием. Показательно, что Форкосиган принял ее слова как достаточную гарантию: видимо, он сам придерживается таких же взглядов.

Небо на востоке начало светлеть: серый цвет сменился нежно-розовым, затем зеленым и наконец золотым – пастельное повторение вчерашнего закатного многоцветья. Форкосиган зашевелился и сел. Встал, размялся, потом помог ей отвести Дюбауэра к ручью умыться. Они снова позавтракали овсянкой и салатной заправкой из рокфора. На этот раз Форкосиган для разнообразия перемешал свою порцию. Корделия, наоборот, пробовала чередовать блюда, надеясь, что это поможет. Оба ничего не сказали по поводу меню.

Форкосиган направился к северо-западу. Как и накануне, путь лежал по песчаной равнине. В сухой сезон она будет похожа на пустыню, а сейчас ее покрывали свежая зеленая и желтая растительность и десятки различных дикорастущих цветов. Корделия с грустью подумала, что Дюбауэр их не замечает.

Через три часа быстрой ходьбы они оказались у первой за этот день преграды: глубокого каменистого ущелья, по дну которого неслась река цвета кофе с молоком. Они пошли вдоль обрывистого берега, высматривая брод. Вдруг Корделия тронула Форкосигана за руку.

- Вон тот валун внизу пошевелился, - сообщила она.

Барраярец достал бинокль и поглядел в указанном направлении.

- Вы правы.

С полдюжины коричневых валунов на песчаной отмели оказались толстоногими приземистыми шестиногами, нежащимися на утреннем солнышке.

- Похоже, какие-то земноводные. Интересно, они плотоядные? - спросил Форкосиган.

- Если бы вы не прервали мою экспедицию, - укоризненно заметила Корделия, - я могла бы ответить на подобные вопросы. А вон опять эти пузыри... Господи, я и не думала, что они могут достигать таких размеров, не теряя способности летать!

Десяток крупных «медуз», прозрачных, как стеклянные колбы сантиметров по тридцать в диаметре, плыли над рекой, напоминая связку улетевших воздушных шариков. Некоторые подлетали к шестиногам и мягко опускались им на спины, расплываясь по холкам наподобие блестящих беретов. Корделия попросила бинокль, чтобы получше рассмотреть происходящее.

- Может, они вроде тех земных птиц, которые очищают шкуру крупных зверей от паразитов? О-ох! Похоже, нет.

Шестиноги поднялись, неловко взбрыкивая неуклюжими телами, и с тревожным шипением скользнули в воду. Пузыри, напоминавшие теперь бокалы с бургундским, снова надулись и взмыли в воздух.

- Воздушные шарики-вампиры? - спросил Форкосиган.

Корделия кивнула.

- Какие мерзкие существа.

Видя его отвращение, она чуть не расхохоталась.

- Вам ли их осуждать - вы ведь тоже плотоядный.

- Ладно, осуждать не буду, но от близкого знакомства постараюсь уклониться.

- Тут я с вами согласна.

Они продолжали идти вверх по течению, мимо мутного пенистого водопада. Километра через полтора оба потока соединились; спотыкаясь, путники пересекли их в самом мелком месте. При переходе через второй ручей Дюбауэр поскользнулся и, вскрикнув, упал в воду.

Корделия инстинктивно вцепилась в рубашку ботаника. Ее охватил ужас: его может унести... эти земноводные шестиноги, острые скалы... водопад! Не обращая внимания на то, что рот наполняется водой, она стиснула его обеими руками. Вот и все... Нет!

Что-то потянуло их назад. Оказывается, Форкосиган успел поймать ее сзади за пояс и быстро выволок обоих на мелководье.

Мокрая, но исполненная благодарности, Корделия поднялась на ноги и вытолкнула на берег кашляющего Дюбауэра.

- Спасибо, - с трудом выговорила она.

– Что, думали, я дам вам потонуть? – поддразнил Форкосиган, выливая воду из башмаков.

Смутившись, Корделия пожала плечами:

– Ну... По крайней мере без нас вы могли бы идти быстрее.

– Хм-м. – Он откашлялся, но больше ничего не добавил. Неподалеку нашлось каменистое место, где решено было посидеть и обсушиться. Подкрепившись все той же овсянкой с тем же вонючим сыром, они продолжили путь.

Вновь потянулись однообразные километры. Наконец Форкосиган сориентировался по какой-то только ему известной примете и начал забирать западнее. Гора осталась за спиной, солнце теперь било прямо в глаза.

Они пересекли еще один поток. Поднимаясь из лощины, Корделия чуть не споткнулась о красношкурого шестинога, неподвижно лежавшего в углублении, совершенно сливаясь с окружением. Это было изящное создание размером с небольшую собаку. При виде людей животное вскочило и прыжками понеслось по равнине.

– Это же еда! – внезапно опомнилась Корделия.

– Парализатор, скорее! – воскликнул Форкосиган, и она поспешно вложила оружие ему в руку. Он упал на одно колено, прицелился и с первой попытки уложил шестинога.

– Вот это выстрел! – восторженно крикнула Корделия.

Форкосиган по-мальчишески ухмыльнулся и побежал к добыче.

Корделия даже тихонько ахнула – настолько потрясла ее эта улыбка. На короткое мгновение его лицо словно солнцем осветилось. «Ну, улыбнись еще раз! – мысленно просила она, но тут же себя одернула: – Долг. Не забывай о долге».

Она пошла за ним. Форкосиган уже вытащил нож, но не знал, с чего начать. Перерезать глотку зверю было затруднительно ввиду отсутствия шеи.

- Мозг расположен сразу же за глазами. Может, следует ударить под лопатку? – подсказала Корделия.

- Это достаточно просто, – согласился Форкосиган и нанес быстрый удар. Существо вздрогнуло и испустило дух. – Вообще-то останавливаться на ночлег рановато, но здесь есть вода и плавник из реки в качестве дров. Только завтра придется пройти больше, – предупредил он.

- Ничего. – Корделия смотрела на тушу и думала о жарком.

Взвалив добычу на плечо, Форкосиган встал.

- Где ваш мичман?

Корделия огляделась. Дюбауэра нигде не было видно.

- О Боже! – вздохнула она и поспешила обратно – туда, где они стояли в момент выстрела. Там Дюбауэра тоже не оказалось. Корделия подошла к берегу.

Он стоял у воды и завороченно смотрел вверх. А к его лицу медленно спускался большой прозрачный шар.

- Дюбауэр, нет! – закричала Корделия, торопливо карабкаясь к нему. Форкосиган обогнал ее, и они бросились к потоку. Шар уже опустился на лицо Дюбауэра и начал расплываться. Несчастный ботаник с воплем вскинул руки.

Первым подоспел Форкосиган. Он не раздумывая схватил обмякшую тварь и одним рывком отодрал ее от человека. В голову бедняги уже впились дюжина щупальцевидных отростков, растягивавшихся и лопавшихся по мере того, как вампира оттаскивали от жертвы. Швырнув чудовище наземь, Форкосиган раздавил его ногой. А спасенный мичман упал на песок и свернулся калачиком. Корделии стоило немалого труда отвести его руки от лица. Он издавал странные хриплые стоны и весь трясся. «Очередной припадок», – подумала она – и тут с ужасом поняла, что парнишка плачет.

Положив голову Дюба к себе на колени, она пыталась утешить несчастного. Места, где щупальца проникли в тело, почернели, кожа вокруг них воспалилась и угрожающе вздулась. Самое неприятное пятно было в уголке глаза. Корделия вытащила застрявшие в коже остатки щупалец и почувствовала, что они обожгли ей пальцы, словно крапива. Видимо, вся тварь покрыта этим ядом: вон и Форкосиган наклонился над водой, окунув в нее руки. Быстро извлекая остатки щупалец, она подозвала к себе барраярца:

- В вашей аптечке нет ничего подходящего?

- Только антибиотик.

Он дал ей тюбик, и она нанесла немного мази на лицо Дюбауэра. Конечно, это не было настоящим противоожоговым средством, но придется обойтись тем, что есть. Форкосиган секунду смотрел на Дюбауэра, потом неохотно достал небольшую белую таблетку.

- Это сильное обезболивающее. У меня их только четыре. На вечер ему должно хватить.

Корделия положила таблетку Дюбауэру на язык. Он попробовал выплюнуть лекарство, но она все же заставила его проглотить таблетку. Всего через несколько минут ей удалось поднять его на ноги и отвести к лагерю у песчаной отмели.

Тем временем Форкосиган набрал внушительную охапку плавника для костра.

- А как вы собираетесь разжечь его? - спросила Корделия.

- В детстве меня учили разводить огонь с помощью трения, - вспомнил Форкосиган. - В летнем лагере военной школы. Это было нелегко, весь день провозился. Если припомнить, то я разжег его, закоротив батарею коммуникатора. - Продолжая говорить, он начал шарить в карманах. - Инструктор был в ярости. Наверное, это был его коммуникатор.

- Разве у вас нет каких-нибудь химических зажигалок? - удивилась Корделия, кивая на его боевой пояс.

– Предполагается, что, если вам нужно тепло, вы просто стреляете из плазмотрона. – Он выразительно щелкнул пальцем по пустой кобуре. – Но у меня есть идея, и сейчас мы ее испробуем. Вам обоим лучше бы сесть. Фокус довольно шумный.

Он достал из упаковки в задней части пояса силовой заряд плазмотрона.

– Э-э... – пробормотала Корделия, отходя подальше. – Не слишком ли это сильная мера? И что вы собираетесь делать с кратером? Его будет видно с воздуха.

– Хотите сидеть и тереть две дощечки? Но о кратере, наверное, следует подумать.

Немного поразмыслив, он направился к краю небольшой долины. Корделия села рядом с Дюбауэром, обхватила его за плечи и пригнулась.

Форкосиган стремительно выскочил из-за обрыва, бросился на землю и откатился в сторону. А через секунду где-то неподалеку взметнулось ослепительное бело-голубое пламя, и громовой удар сотряс землю. В воздух поднялся огромный столб дыма, пыли и пара, о землю градом застучали кусочки камней и оплавленного песка. Форкосиган снова исчез за обрывом и вскоре вернулся с пылающим факелом.

Корделия пошла взглянуть на разрушения. Закороченный заряд был брошен на песчаный пляж немного выше по течению, у внешнего края излучины, где быстрая речка поворачивала к востоку. После взрыва там остался великолепный остекленевший кратер метров в пятнадцать диаметром и около пяти метров глубиной. Он все еще дымился. На ее глазах поток размыл тонкую перемычку и хлынул внутрь кратера, поднимая клубы пара. Через час здесь будет вполне естественная на вид заводь.

– Недурно, – пробормотала она.

К тому времени, когда огонь догорел, оставив россыпь углей, они приготовили кубики темно-красного мяса, нанизав его на палочки.

– Какое жаркое вы предпочитаете? – осведомился Форкосиган с видом заправского кулинара. – Слабо- или среднепрожаренное?

– Думаю, его надо хорошенько прожарить, – ответила Корделия. – Мы еще не проводили исследований на предмет кишечных паразитов.

Форкосиган опасливо поглядел на шашлык.

– А, вот как. Да, безусловно, – произнес он, уже без всякого энтузиазма.

Но когда мясо прожарилось, они отбросили сомнения и впились в дымящиеся кусочки с жадностью изголодавшихся дикарей... Даже Дюбауэр ухитрился что-то съесть. Жаркое получилось жестковатое, со своеобразным запахом, однако никто не предложил приправить его овсянкой или рокфором.

Голод прошел, и к Корделии вернулась способность наблюдать. Поэтому сейчас она с новым интересом разглядывала своего сотрапезника. Он сидел перед огнем – мокрый, грязный, на комбинезоне пятна крови от разделки туши. Он три дня не брился, лицо его блестело от жира шестинога, от него разлило потом. Но, вероятно, и она не более привлекательна – и по виду, и по запаху. Разве что щетины нет... Она словно впервые увидела его тело: мускулистое, компактное, удивительно мужественное. В ней поднялись чувства, которые, как она считала, ей давно удалось изжить. Нет, лучше подумать о чем-нибудь другом...

– Дистанция от астронавта до пещерного человека – за три дня, – задумчиво проговорила она. – И с чего это мы взяли, будто цивилизация заключается в нас самих, когда на самом деле она – в нашем поведении?

Форкосиган криво улыбнулся и взглянул туда, где сидел ухоженный Дюбауэр.

– Похоже, вам удастся сохранять вашу цивилизацию в себе.

Корделия покраснела.

– Делаешь то, что велит долг.

– Некоторые относятся к своему долгу менее щепетильно. Или... вы его любили?

– Дюбауэра? Господи, нет конечно! Он же младенец. Но он был хороший паренек. Я бы хотела вернуть его домой, семье.

– А у вас есть семья?

– Конечно. Мама и брат, в Колонии Бета. Мой отец тоже служил в экспедиционном корпусе.

– Он не вернулся?

– Нет, он погиб при аварии катера. На взлете, всего километрах в десяти от дома. Он был дома в отпуске и как раз отправлялся обратно.

– Приношу мои соболезнования.

– О, это было много лет назад. – «Что-то мы чересчур увлеклись личными проблемами», – подумала Корделия. Но это все же лучше, чем уворачиваться от вопроса. Она от всей души надеялась, что ему не придет в голову заговорить о новейших технологиях колонии Бета или о чем-нибудь подобном. – А как вы? У вас есть семья? – Тут она вдруг сообразила, что это вежливый вариант вопроса «Женаты ли вы?»

– Мой отец жив. Он – граф Форкосиган. А мать умерла. Она была наполовину бетанкой, знаете ли, – нерешительно сообщил он.

Корделия решила, что если по-военному немногословный Форкосиган способен нагонять страх, то он же, пытающийся быть любезным, внушает ужас. Но любопытство победило желание прервать опасный разговор:

– Довольно необычная история. Как это получилось?

– Мой дед с материнской стороны – принц Ксав Форбарра – был дипломатом. Он некоторое время служил посланником в Колонии Бета – в молодости, еще до Первой цетагандийской войны. Если не ошибаюсь, моя бабка работала в вашем Министерстве межзвездной торговли.

– Вы ее хорошо знали?

– После того как моя мать... умерла и закончилась гражданская война Ури Форбарры, я иногда проводил школьные каникулы во дворце принца, в столице. Но он не ладил с моим отцом, и до войны, и после; они принадлежали к разным политическим движениям. Дед возглавлял партию либералов, а мой отец, конечно, был – и остается – представителем старой военной аристократии.

– Ваша бабушка была счастлива на Барраяре?

Корделия прикинула, что школьные годы Форкосигана кончились лет тридцать тому назад.

– По-моему, она так до конца и не привыкла к нему. И, конечно, война Ури... – Он замолчал, потом заговорил снова: – Иностранцы – в особенности вы, жители Беты, – представляют Барраяр как некий монолит. Не знаю, право, почему. На самом деле наше общество очень неоднородно. Правительству всегда приходилось бороться с центробежными тенденциями.

Потянувшись вперед, Форкосиган подбросил в огонь сухую ветку. Искры взметнулись вверх, словно поток оранжевых звездочек, плывущих домой, в небо. Корделии вдруг мучительно захотелось улететь вместе с ними.

– А к какой партии принадлежите вы? – спросила она, надеясь перевести разговор в менее личное русло. – Вы поддерживаете отца?

– Пока он жив. Мне всегда хотелось быть просто солдатом, а не примыкать к каким-то партиям. У меня отвращение к политике: она погубила мою семью. Но пора кому-то заняться этими проклятыми бюрократами и их прихвостнями. Они воображают себя людьми будущего, но на самом деле это просто дерьмо.

– Если вы столь же откровенно выражаетесь у себя дома, то неудивительно, что вам не удастся спрятаться от политики. – И она разворошила палкой огонь, отправив в полет новые звездочки.

Благодаря лекарству Дюбауэр быстро заснул, но Корделия долго лежала без сна, вспоминая их беседу. Ну какое ей в сущности дело, если этот барраярец

хочет лезть в петлю? Незачем ей в это вступать. Совершенно незачем... Тут и говорить не о чем... пусть даже его крепкие ладони – само воплощение силы...

Костер полыхал ярким пламенем – видимо, Форкосиган нарочно развел огонь посильнее.

Корделия села, моргая и щурясь, и он подошел к ней.

– Хорошо, что вы проснулись. Мне нужна ваша помощь. – Он вложил ей в руку свой боевой нож. – Похоже, эта туша кого-то приманила. Я собираюсь скинуть ее в воду. Подержите факел?

– Конечно.

Она потянулась, встала, нашла подходящую ветку и, протирая глаза, поплелась за ним к воде. Мерцающее оранжевое пламя отбрасывало беспокойные черные тени, отчего ночь казалась еще темнее. Когда они оказались на берегу, Корделия уловила краем глаза какое-то движение среди камней. Оттуда донеслось царапанье и знакомое шипение.

– М-м... Чуть выше, слева – компания «крабов».

– Ясно.

Форкосиган швырнул остатки ужина на середину реки, где они с бульканьем исчезли. Тут же раздался еще один всплеск – более громкий. Но то, что шлепнулось в воду, на поверхность не вынырнуло, и разбегающиеся круги были подхвачены течением. Послышалось новое шипение и душераздирающий визг – теперь уже ниже по течению. Форкосиган вытащил парализатор.

– Там их целая стая, – испуганно заметила Корделия. Они стояли спина к спине, стараясь проникнуть взглядами сквозь мрак. Форкосиган пристроил парализатор поудобнее, тщательно прицелился и выстрелил. Негромкий звук разряда – и одна из темных теней дернулась и застыла. Ее спутники с любопытством пригнулись и подошли поближе.

– Жаль, что ваше оружие работает так тихо.

Снова прицелившись, Форкосиган уложил еще двоих, потом осмотрел парализатор и крикнул:

- Знаете, а ведь заряд почти кончился.

- Не хватит на остальных?

- Боюсь, что нет.

Один из трупоедов, посмелее, бросился вперед. Форкосиган с громким криком сделал ответный выпад, и чудовище ретировалось в темноту. Корделия заметила, что трупоеды равнин крупнее, чем их горные собратья. Кроме того, они, похоже, собирались в большие стаи.

Круг зверей все сжимался, отрезая путь к отступлению.

- А, дьявол, - проговорил Форкосиган. - Пожалуй, это все. - Сверху плавно спускался десяток бесшумных призрачных шаров. - Ну и гадкая же смерть. Что же, постараемся захватить с собой как можно больше этих тварей.

Он взглянул на нее, словно собираясь добавить еще что-то, потом покачал головой и приготовился к броску.

У Корделии сжалось сердце. Она взглянула на спускающиеся шары, и тут ее осенила гениальная догадка.

- Нет-нет, - уверенно заявила она, - это не все. Наоборот, авиация идет к нам на помощь... Ах вы, милашки мои! Летите сюда, летите к мамочке.

- Вы с ума сошли? - спросил Форкосиган.

- Вы хотели шума? Я устрою вам шум. Как по-вашему, что удерживает этих тварей в воздухе?

- Откуда мне знать! Но, конечно, это почти наверняка...

– Водород! Готова спорить на что угодно, что эти славненькие вампирчики – живые электролизеры. Вы заметили, как они все время висят у ручьев и рек? Жаль, что у меня нет перчаток...

Форкосиган весело улыбнулся:

– Разрешите мне.

Он подпрыгнул, поймал кровососа за извивающееся пурпурное щупальце и кинул на землю перед приближающимися трупоедами. Держа факел наподобие рапиры, Корделия сделала быстрый выпад. Посыпались искры. Она ткнула раз, второй, третий...

Шар взорвался снопом ослепительного пламени, опалившего ей брови. Громовой хлопок, и одновременно – волна невообразимой вони. В глазах запрыгали оранжевые и зеленые тени. У одного из трупоедов задымилась шкура, и он возглавил всеобщее бегство, вопя и шипя. Корделия снова ткнула факелом, целясь в повисший в воздухе шар. Он взорвался, осветив всю долину и горбатые спины убегающих чудовищ.

Форкосиган отчаянно хлопал ее по спине. Только почуяв запах, она поняла, что подожгла волосы. Все вампиры поспешно набрали высоту и уплыли прочь – за исключением одного, которого Форкосиган поймал и удержал, наступив ему на щупальца.

– Ага! – Ликующая Корделия исполнила вокруг него военную пляску. Ей хотелось громко расхохотаться. Она поглубже вздохнула, сбрасывая возбуждение. – Как ваша рука?

– Немного обжег, – признался он. Сняв рубашку, Форкосиган завернул в нее шар. Тот отчаянно пульсировал и вонял. – Эта бомбочка может нам пригодиться.

Форкосиган наскоро сполоснул руки в воде, и они вернулись в лагерь. Дюбауэр спал спокойно. Позже какой-то одинокий трупоед возник на краю освещенного круга и стал там бродить, шипя и принюхиваясь. Форкосиган прогнал его без особого труда – факелом, ножом и руганью. Ругался он шепотом, чтобы не разбудить ботаника.

– По-моему, остаток пути нам лучше продержаться на сухом пайке, – сказал он, возвратившись к костру.

Корделия кивнула в знак полного согласия.

Как только забрезжил серый рассвет, Корделия разбудила мужчин. Теперь ей не меньше, чем Форкосигану, хотелось поскорее добраться до барраярского склада – и очутиться в безопасности.

Пленный шар за ночь умер и сдулся, превратившись в отвратительный студенистый комок, и Форкосиган вынужден был потратить несколько минут на стирку. Несмотря на его усилия, рубашка так провоняла и пошла такими пятнами, что Корделия присудила ему первенство в негласном соревновании «кто грязнее». Быстро перекусив надоевшими, зато безопасными овсянкой с рокфором, они отправились в путь. Их длинные тени тянулись впереди по ржавой, усеянной цветами равнине.

Незадолго до полуденного привала Форкосиган объявил короткую остановку и скрылся за кустом, чтобы справить нужду. Через несколько секунд оттуда донеслись замысловатые ругательства, а вскоре за ними появился и сам Форкосиган. Он прыгал с ноги на ногу и хлопал себя по ногам. Корделия встретила его изумленным взглядом.

– Помните те светло-желтые кучи песка, которые нам тут попадались? – свирепо спросил Форкосиган, расстегивая брюки.

– Да...

– Не становитесь на них, если соберетесь пописать.

Корделия не смогла подавить смех:

– Что вы обнаружили? Или мне следовало спросить, кто обнаружил вас?

Форкосиган стащил брюки, вывернул их и принялся обирать с изнанки крошечные белые круглые существа, сновавшие на опушенных ресничками

ножках. Корделия взяла одно и положила на ладонь, чтобы рассмотреть поближе. Это был еще один вид кровососов – какая-то подземная форма.

– Ох! – Она поспешно смахнула порозовевший шарик с руки.

– Больно, а? – огрызнулся Форкосиган.

В ней начала подниматься волна неудержимого смеха, но тут она заметила нечто, заставившее ее мгновенно посерьезнеть.

– Эй, эта царапина неважно выглядит, вам не кажется?

Рана от клюва, которую Форкосиган заработал той ночью, когда они хоронили Роузмонта, раздулась и посинела, а от нее до самого колена протянулись красные полосы.

– Ничего страшного, – твердо сказал он, готовясь влезть в брюки.

– Что-то не верится. Дайте я посмотрю.

– Вы все равно здесь ничего не сможете сделать, – запротестовал Форкосиган, но подчинился короткому осмотру. – Довольны? – саркастически осведомился он, заканчивая одевание.

– Жаль, что ваши микробиологи не смогли составить мазь получше. – Корделия пожала плечами. – Но вы правы. Сейчас ничего сделать нельзя.

Они двинулись дальше. Теперь Корделия пристально наблюдала за ним. Временами барраярец начинал прихрамывать, потом замечал ее взгляд, и его шаг опять становился твердым. Но к вечеру он отбросил притворство и уже откровенно хромал. И все же в этот день он заставил их идти до самого заката, пока не начала сгущаться темнота. К концу перехода покрытая кратерами гора, к которой они направлялись, уже высоко поднималась над горизонтом. Наконец, споткнувшись в темноте, Форкосиган сдался и объявил привал. Корделия обрадовалась: Дюбауэр устал, тяжело опирался на нее и все норовил лечь. Они устроились на ночлег там, где остановились, прямо на красной песчаной земле. Форкосиган вскрыл люминофор и, как обычно, начал первое дежурство, а

Корделия лежала в грязи и смотрела, как над головой мерцают далекие звезды.

Форкосиган попросил, чтобы она разбудила его до рассвета, но Корделия дала ему выспаться. Ей не нравился его вид: бледность сменялась багровой краснотой, а дыхание стало частым и неровным.

– Вам не пора принять болеутоляющее? – спросила она, когда он поднялся, с трудом ступая на заметно распухшую ногу.

– Пока нет. Надо поберечь таблетки про запас.

Он срезал себе палку, и путешествие возобновилось.

– Сколько еще осталось? – спросила Корделия.

– Думаю, день-полтора, в зависимости от того, как пойдём. – Он поморщился. – Не тревожьтесь. Нести меня не придется. Я считаюсь одним из самых тренированных людей в экипаже, по крайней мере среди тех, кому за сорок. – И он похромал дальше.

– А много в вашем экипаже сорокалетних?

– Четверо.

Корделия фыркнула.

– И вообще, если потребуется, у меня в аптечке есть стимулятор, который даже труп оживит. Но я его тоже хочу приберечь на момент встречи.

– Каких-то неприятностей ждете?

– Все зависит от того, кто примет мой сигнал. Я знаю, что у Рэднова – это мой политофицер – по крайней мере два агента среди связистов. – Сжав губы, он испытующе поглядел на нее. – Видите ли, я не думаю, что был общий мятеж. Скорее, экспромт. Рэднов и еще несколько человек решили меня прикончить и свалить все на бетанцев. Понадеялись, что смогут спрятать концы. Если я прав, то на корабле все считают меня убитым. Все, кроме одного человека.

- Кого же?

- Хотел бы я знать. Того, кто ударил меня по голове и спрятал в папоротниках, вместо того чтобы перерезать глотку. Похоже, в группе лейтенанта Рэднова есть мой сторонник. И все же – будь этот парень действительно мне верен, ему стоило только слово сказать Готтиану, моему первому помощнику, и меня уже давно подобрали бы верные люди. Так кто же из моих людей настолько запутался, что предает сразу обе стороны? Или я чего-то не понимаю?

- Может, они все еще преследуют мой корабль? – предположила Корделия.

- А где ваш корабль?

Сейчас уже вполне можно быть откровенной, решила Корделия, это не причинит вреда:

- Думаю, на подлете к Колонии Бета.

- Если его не захватили.

- Нет. Они были далеко от вас, когда я с ними разговаривала. Пускай они и не вооружены, но скорость у них намного больше, чем у барраярского крейсера.

- Хм-м... Ну, это возможно.

Похоже, он не слишком удивлен, отметила про себя Корделия. Готова побиться об заклад, что его сведения о наших технологических секретах привели бы в ужас всю бетанскую контрразведку.

- Насколько долго они будут нас преследовать?

- Это решать Готтиану. Если он поймет, что надежды захватить вас нет, то вернется на нашу дежурную станцию. В противном случае он приложит максимум усилий, чтобы захватить ваш корабль.

- Но зачем?

Он искоса посмотрел на нее:

- Этого я обсуждать не могу.

- Не понимаю почему. Единственное, куда я могу в ближайшее время попасть, - это барраярская тюрьма. Смешно, как меняются взгляды. После такого перехода даже тюрьма покажется роскошной обителью.

- Я постараюсь, чтобы до этого дело не дошло, - улыбнулся он.

Его взгляд и улыбка встревожили ее. На официальный тон она могла ответить напускной беззаботностью, защищая себя, словно фехтовальщик: выпад на выпад. Но фехтовать с его добротой - все равно что сражаться с морем: любые удары смягчаются и теряют силу. Корделия отпрянула, и его улыбка погасла, а лицо снова стало замкнутым и мрачным.

Глава 3

После завтрака они какое-то время шли молча. Первым заговорил Форкосиган. Казалось, лихорадка разъедает его привычную сдержанность.

- Давайте поговорим. Это отвлечет меня.

- О чем?

- О чем угодно.

Она задумалась.

- Как, по-вашему, командовать военным кораблем сложнее, чем обычным?

- Разница не в корабле, а в людях, - подумав, ответил он. - Быть лидером означает управлять человеческим воображением, своим и чужим. В бою это

проявляется ярче всего. В одиночку даже самый храбрый солдат – всего лишь вооруженный безумец. Настоящая сила – это способность заставить других выполнять нужную вам работу. Разве во флотах Колонии Бета дело обстоит не так?

– Наверное, даже в большей степени, – улыбнулась Корделия. – И если в один прекрасный день мне потребуется подкреплять приказы угрозами или силой – это будет полный крах. Я предпочитаю действовать незаметно. Тогда я в выигрышном положении, потому что мне всегда хватает терпения – или чего-то еще – чуть дольше, чем остальным. – Она оглядела весеннюю пустыню. – На мой взгляд, цивилизация была придумана именно для блага женщин – по крайней мере матерей. Не могу представить себе, как мои пещерные прапрабабушки заботились о своих семьях в примитивных условиях.

– Подозреваю, что они действовали совместно, всем скопом, – заметил Форкосиган. – Готов поспорить, что у вас бы это получилось, родись вы в то время. Вы обладаете теми качествами, которых ждешь от матери воинов.

Корделия решила, что он ее разыгрывает. Похоже, у него есть своеобразное, суховатое чувство юмора.

– Нет уж, увольте! Восемнадцать или двадцать лет вкладывать свою жизнь в сыновей, а потом моих ребят заберет правительство, чтобы истратить их молодость на ликвидацию очередного политического провала! Нет, спасибо.

– Я никогда об этом не думал, – признался Форкосиган. Какое-то время он молчал, постукивая на ходу своей палкой. – А если они идут добровольно?

– Положение обязывает? – Теперь настала ее очередь замолчать, чуть смутившись. – Наверное, если добровольно, то это меняет дело. Как бы то ни было, детей у меня нет, так что, к счастью, такие решения принимать не придется.

– Вы рады или жалеете?

– Что нет детей? – Она взглянула ему в лицо. Похоже, он не заметил, что попал в самое больное место. – Так уж сложилось.

Беседа прервалась: они начали пробираться по каменистой осыпи, где под ногами то и дело разверзались расщелины. Все внимание Корделии уходило на то, чтобы не дать Дюбауэру сорваться. Пройдя пустошь, они, не сговариваясь, остановились передохнуть под скалой. Форкосиган закатал брючину и расшнуровал ботинок, чтобы осмотреть нагноившуюся рану, грозящую ноге полной неподвижностью.

– Вы кажетесь умелой медсестрой. Как вы считаете, не вскрыть ли нарыв? – спросил он.

– Не знаю. Боюсь, если мы его вскроем, то занесем туда новую грязь.

Она поняла, что рана стала беспокоить его гораздо сильнее, чем прежде. Догадка тут же подтвердилась: он принял половину таблетки болеутоляющего из своего драгоценного запаса.

Они пошли дальше, и Форкосиган снова заговорил. Он описывал разные забавные случаи из своей кадетской юности, своего отца, который в те времена командовал всеми сухопутными войсками Барраяра и был личным другом хитроумного интригана – нынешнего императора. У Корделии возник неясный образ бесстрастного вояки, которому юный сын, как ни старался, никак не мог угодить. Она рассказала про свою мать, энергичного врача, изо всех сил сопротивляющегося отставке, и про брата, недавно купившего разрешение на второго ребенка.

– А вы хорошо помните вашу мать? – спросила Корделия. – Насколько я поняла, она умерла, когда вы были еще совсем маленьким. Несчастный случай, как у моего отца?

– Никаких несчастных случаев. Политика. – Лицо его стало мрачным, отчужденным. – Разве вы не слышали про бойню Ури Форбарры?

– Я... я мало что знаю о Барраяре.

– А-а... Император Ури в последние дни своего безумного правления стал чрезвычайно опасаться собственной родни. В конце концов он сам накликал на себя беду. Однажды ночью он выслал отряды убийц. Взвод, отправленный за принцем Ксавом, не смог пройти мимо его охраны. И по какой-то непонятной

причине он не запланировал гибель моего отца: очевидно, потому, что тот не был потомком императора Дорки Форбарры. Не могу понять, чего хотел добиться Ури, убив мою мать и оставив в живых отца. Ведь после этого отец перешел со своими войсками на сторону Эзара Форбарры в начавшейся гражданской войне.

– Ох!

Солнце пекло вовсю, но Корделии показалось, что воспоминание заставило его похолодеть.

– Я все думал... Вы как-то говорили, какие странные вещи люди делают, когда паникуют, и я вспомнил. Не думал об этом уже много лет. Когда люди Ури разнесли дверь...

– Боже, неужели вы при этом присутствовали!

– О да. Естественно, я тоже был в том списке. Каждому убийце была определена конкретная жертва. Тот, кому предназначалась моя мать... Я схватил ножик – столовый ножик, он лежал возле моей тарелки, – и ударил его. А ведь рядом на столе был и прекрасный нож для разделки жаркого. Воспользуйся я им... Ну, а так... С тем же успехом я мог бы ударить его ложкой. Он просто отшвырнул меня в угол...

– Сколько лет вам было?

– Одиннадцать. И роста я был маленького. Я всегда был маленького роста. Он оттеснил мать к дальней стене. И выстрелил из... – Форкосиган со свистом втянул в себя воздух и закусил нижнюю губу. – Странно, когда начинаешь говорить о чем-то, то вдруг возвращаются такие подробности... А я-то думал, что почти ничего уже не помню.

Он заметил, что Корделия побледнела, и неожиданно смутился.

– Я вас расстроил своей болтовней. Извините. Все это было очень давно. Не знаю, почему я столько говорю.

«Зато я знаю», – подумала Корделия. Несмотря на жару он застегнул верхнюю пуговицу рубашки почти бессознательно. Его знобит, поняла она, температура повышается. Насколько? Да еще надо учесть эффект от этих таблеток. Тут есть чего испугаться.

Внезапный порыв заставил ее сказать:

– Но я понимаю, что вы имеете в виду, говоря о том, как все возвращается. Я помню... Сначала катер летел вверх, как всегда, и брат махал рукой... глупо, конечно, ведь отец все равно нас не видел. А потом по небу разлился свет, словно засияло второе солнце, и посыпался огненный дождь. После этого пришла пустота. Даже не тьма, а какое-то серебристо-пурпурное свечение. Я только сейчас вспомнила, что тогда ослепла на несколько дней.

Он изумленно посмотрел на нее.

– И со мной было так же... Он выстрелил в нее акустической гранатой. Я потом очень долго ничего не слышал. Словно все звуки перешли за порог чувствительности. Общий шум, более бессмысленный, чем тишина...

– Да...

– Наверное, с той минуты я и решил стать солдатом. Меня влекла не слава, а сила. Логика действий, искусство наступления, скорость и внезапность... Я хотел стать более подготовленным, более крепким и быстрым, более подлым негодяем, чем те, что ворвались к нам в дверь. То был мой первый боевой опыт. Не слишком успешный.

Его трясло, и она решила переменить тему разговора.

– Я никогда не была в бою. Как это бывает?

Форкосиган глянул на нее и умолк. «Опять словно хочет меня измерить», – подумала Корделия. – Но он начал потеть – слава Богу, жар отступает».

– На расстоянии, в космосе, возникает иллюзия чистой и славной битвы. Почти абстракция. С тем же успехом это может быть компьютерная модель боя или

игра. Реальность не чувствуется – только если в ваш корабль попадут. – Он опустил глаза, словно выбирая, куда ставить ногу, хотя почва здесь была ровная. – Убийство, настоящее убийство – это совсем другое дело. Тогда, на Комарре, когда я убил своего политофицера, я был разъярен даже сильнее, чем... чем в другое время. Когда чувствуешь, как под твоими руками замирает чья-то жизнь, то на лице жертвы читаешь и собственную смерть. А ведь он меня предал, он навсегда запятнал мою честь.

– Боюсь, я это не вполне понимаю.

– Да. Похоже, что в отличие от меня гнев делает вас сильнее. Хотел бы я знать, как вам это удается.

Вот опять этот странный комплимент. Она замолчала, уставясь себе под ноги, потом стала смотреть на гору впереди, на небо – куда угодно, только не в его непроницаемое лицо. В результате она первая заметила наверху сверкающую точку – пламя из дюз ракетного двигателя.

– Эй, смотрите, это не катер?

– Да, действительно. Давайте-ка спрячемся вон в тех кустах, – распорядился Форкосиган.

– А вы не хотите привлечь их внимание?

– Нет. – Характерным жестом он повернул руку ладонью вверх. – Мои друзья и враги носят одну и ту же форму. Я предпочел бы сообщить о моем присутствии по возможности не всем сразу.

Теперь до них уже доносился рев двигателей. Сделав крутой вираж, катер уходил за серо-зеленую лесистую гору на западе.

– Похоже, они направляются к складу, – заметил Форкосиган. – Это осложняет ситуацию. – Он сжал губы. – Интересно, зачем они сюда вернулись? Может, Готтиан нашел секретный пакет?

– Разве ему не должны были достаться все ваши бумаги?

- Не все. Часть документов спрятана, поскольку они не предназначены для глаз Совета министров. Сомневаюсь, чтобы Корабик Готтиан мог отыскать то, что ускользнуло от Рэднава. Рэднов – умный шпион.

- Рэднов – высокий, широкоплечий, с острым профилем?

- Нет, это похоже на сержанта Ботари. Где вы его видели?

- В лесу около ущелья. Это он стрелял в Дюбауэра.

- А, вот как? – Глаза Форкосигана вспыхнули, и он хищно улыбнулся. – Многое проясняется.

- Только не для меня.

- Сержант Ботари – странный человек. Месяц назад мне пришлось его сурово наказать.

- Настолько сурово, что он мог стать участником заговора?

- Готов поспорить, что Рэднов так и подумал. Да, так вот – не знаю, смогу ли объяснить вам насчет Ботари. Его вообще мало кто понимает. Он – великолепный солдат, а меня на дух не переносит, как выразились бы вы, бетанцы. Ему нравится меня ненавидеть. Это стало для него потребностью.

- И он выстрелил бы вам в спину?

- Никогда. Ударить в лицо – другое дело. По правде говоря, именно за это он и был наказан в прошлый раз. – Форкосиган задумчиво потер скулу. – Но оставить его у себя за спиной в бою можно не колеблясь.

- Судя по вашим словам, он настоящий псих.

- Да, многие так говорят. А мне он нравится.

- И вы еще уверяете, будто это мы, бетанцы, любим устраивать из жизни цирк!

Форкосиган со смехом пожал плечами:

– Ну, всегда полезно потренироваться с человеком, который не боится сделать тебе больно. Схватки с Ботари позволяют мне сохранять прекрасную форму. Однако я предпочитаю, чтобы наши спарринги ограничивались спортзалом... Нетрудно понять, почему Рэднов решил привлечь к заговору Ботари – он кажется озлобленным типом, которому можно поручить грязное дело. Пари держу, именно так все и было... Молодчина Ботари!

Корделия взглянула на Дюбауэра, бессмысленно топтавшегося рядом с ней.

– Боюсь, что не могу разделить ваш энтузиазм. Он чуть не убил меня.

– Я не утверждаю, будто он – человек громадного ума или высокой морали. Но в жизни ему пришлось нелегко, а выражать свои чувства он не мастер. И все-таки у него есть представление о долге и чести.

Они уже приблизились к основанию горы, и дорога стала круче. Пустыня сменилась редколесьем. Меж стволов с журчанием бежали ручьи.

Волоча на себе спотыкающегося Дюбауэра, Корделия мысленно проклинала нейробластеры и тех извергов, которые их придумали. А когда мичман упал, рассадив себе лоб, она не выдержала и накинулась на Форкосигана:

– Хотелось бы знать, какого дьявола вы не желаете пользоваться цивилизованным оружием? Я бы охотнее доверила нейробластер шимпанзе, чем барраряцу. Вам бы только палить!

Оглушенный Дюбауэр сел. Она промокнула ему кровь своим грязным носовым платком и тоже села.

Форкосиган неловко опустился на землю рядом с ними, вытянув перед собой больную ногу. Он взглянул в ее напряженное, несчастное лицо и серьезно ответил:

– Парализатор – не оружие. Это игрушка, дающая иллюзию защиты. Любой, не задумываясь, бросается под его выстрел, так что если противников много, вас в

конце концов сомнут. Я видел, как парализатор стал причиной смерти его владельца. Но он бы спасся, будь у него другое оружие. Нейробластер легко убеждает.

– Зато можно не колебаться, применяя парализатор, – возразила Корделия. – И ошибка не так опасна.

– Что, вы колебались бы, применять ли бластер?

– Да. Для меня это вообще неприемлемо, – ответила она и чуть погодя спросила:

– А тот человек, о котором вы говорили... Он что, погиб от луча парализатора?

– Не от луча. Его обезоружили и забили ногами до смерти.

– Ох! – Корделию затошнило. – Надеюсь... что он не был вашим другом.

– Был. И притом разделял ваше отношение к оружию. Мягкотелость. – Он хмуро посмотрел вдаль.

С трудом поднявшись, они снова поплелись через лес. Барраярец попытался помочь ей вести Дюбауэра, но тот в страхе отшатнулся. Впрочем, и больная нога не допускала лишней нагрузки.

Теперь Форкосиган замкнулся и перестал разговаривать. Казалось, все его силы уходят на то, чтобы заставить себя сделать очередной шаг вперед. Вскоре он начал что-то бормотать себе под нос – тревожный симптом. Корделия боялась, что он окончательно свалится и потеряет сознание. Как быть тогда? Вряд ли ей самой удастся отыскать верного члена его экипажа и договориться с ним. Первая же ошибка могла стать роковой. И даже допуская, что не каждый барраярец отъявленный негодяй, она невольно вспомнила старую поговорку «все критяне лжецы».

Уже перед самым закатом, пробравшись через участок густого леса, они вышли на чудесную поляну. Пенный водопад скатывался по черным скалам, блестящим подобно обсидиану, закатное солнце золотило траву на берегах ручья. Высокие, темно-зеленые тенистые деревья манили к отдыху.

Оперевшись на палку, Форкосиган молча разглядывал поляну. «Никогда не видела более усталого человека», – подумала Корделия и усмехнулась: ведь у нее не было зеркала.

– Осталось пройти еще километров пятнадцать, – сказал он. – Я не хочу приближаться к складу в темноте. Мы остановимся здесь, переночуем и придем туда утром.

Они плюхнулись на траву и долго смотрели на роскошный закат. Наконец меркнущий свет напомнил о необходимости действовать. Они умылись в ручье, и Форкосиган выложил на камень последнюю еду – барраярский неприкосновенный запас. Даже после четырех дней овсянки и рокфора ужин показался ей удивительно неаппетитным.

– Вы уверены, что это не быстрорастворимые ботинки? – печально спросила Корделия: по цвету, вкусу и запаху угощение напоминало галеты из тонко размолотой обувной кожи.

Форкосиган хмыкнул:

– Они органического происхождения, питательны и могут храниться годами. Полагаю, что и хранились.

Корделия улыбнулась, с трудом пережевывая сухой и жесткий кусок. Дюбауэра пришлось кормить насильно: он все время пытался выплюнуть еду. Потом ботаника умыли и уложили спать. В течение дня у него не было припадков, и Корделия сочла это обнадеживающим признаком.

После дневной жары земля еще дышала приятным теплом, рядом тихонько журчал ручей. Ей хотелось заснуть на сто лет, как принцессе из сказки. Но она заставила себя подняться и вызвалась дежурить первой.

– По-моему, вам сегодня следует поспать подольше, – сказала она Форкосигану. – Я две ночи из трех несла короткую вахту. Теперь ваша очередь.

– Совсем необязательно... – начал было он.

– Если вы свалитесь, то и я не дойду, – напрямик заявила она. – И он тоже, – она ткнула пальцем в затихшего Дюбауэра. – Я намерена позаботиться, чтобы завтра вы довели нас до цели.

Форкосиган не стал спорить – он принял вторую половинку болеутоляющего и снова лег. Но спать ему, видимо, не хотелось – он беспокойно шевелился и в сумраке наблюдал за нею. Казалось, глаза его лихорадочно блестят. Наконец он приподнялся и оперся на локоть. Тогда она села рядом с ним, предварительно обойдя дозором поляну.

– Я... – начал он и снова замолчал. – Вы совсем не такая, какой я представлял женщину-офицера.

– М-м? Ну, вы тоже не такой, каким я представляла себе барраярского капитана, так что, надо полагать, мы квиты. – Она с любопытством спросила: – А что вы ожидали увидеть...

– Я... сам не знаю. Вы – такой же профессионал, как любой офицер из тех, с кем я служил. Но вы не пытаетесь изображать мужчину. Это поразительно.

– Я такая же, как все, – возразила она.

– Значит, Колония Бета – необычайное место.

– Планета как планета. Ничего особенного. Отвратительный климат.

– Да, мне говорили. – Он поднял прутик и пару минут ковырял им землю, пока не сломал. – Скажите, в Колонии Бета не бывает браков по сговору, да?

Она изумилась:

– Конечно, нет! Что за странная идея. Это похоже на прямое нарушение гражданских прав. Господи... Уж не хотите ли вы сказать, что на Барраяре это принято?

– В нашей касте – почти повсеместно.

– И никто не возражает?

– Их не заставляют, но договариваются обычно родители. Кажется... это работает нормально. Для многих.

– Ну, стало быть, и такое возможно.

– А как... э-э... как это устраиваете вы? Без посредников иногда бывает неловко... Я имею в виду – отказывать кому-то прямо в лицо.

– У нас все решают сами любовники, когда они уже достаточно знают друг друга и хотят завести ребенка. А прибегать к дипломатии вроде той, которую вы описали, – все равно что выходить замуж за незнакомого человека. Вот это, по моему, действительно неловко.

– Хм-м. – Он отыскал еще один прутик. – В период Изоляции на Барраяре, если мужчина брал в любовницы женщину из касты воинов, то это рассматривалось как похищение ее чести, и он должен был умереть за это смертью вора. Обычай, чаще нарушавшийся, чем исполнявшийся, хоть он и стал излюбленным сюжетом драматических произведений. А сейчас у нас время перемен. Старые порядки умерли, и мы все примеряем новые, как плохо пошитое платье. Теперь уже никто не понимает, что правильно, а что – нет. – Помолчав секунду, он спросил: – А чего ожидали вы?

– От барраярца? Не знаю. Что-нибудь этакое преступное, наверное. Я была не в восторге, очутившись в плену.

Он отвел взгляд.

– Я... знаком с теми вещами, которые вы сейчас подразумеваете. Не стану отрицать – такое бывает. Это – как болезнь воображения, и она передается от человека к человеку. Хуже всего, когда зараза распространяется сверху. Падает дисциплина, слабеет боевой дух... Труднее всего молодым офицерам, особенно когда они видят порок в людях, которые должны служить им образцом. Как судить, не имея опыта, как бороться с заразой в собственной голове? И они развращаются, даже не успев понять, что с ними случилось.

В темноте голос его звучал с необычной страстностью.

– Лично я думала об этом с точки зрения пленной, – шутливо вставила Корделия. – Насколько я понимаю, с пленом мне повезло.

– Те, о ком я говорю, – отбросы армии. И они в меньшинстве. Хотя было бы неправильно делать вид, будто таких людей у нас нет вовсе... Но меня вам бояться не следует. Даю вам слово.

– Я... я это уже поняла.

Некоторое время оба молчали. Корделия решила, что Форкосиган заснул, но тут он пошевелился и снова заговорил. Она почти не видела его лица – только отблески от глаз и белых зубов.

– Ваши обычаи кажутся мне такими свободными, такими мирными. Невинными, как солнечный свет. Ни горя, ни боли, ни непоправимых ошибок. И страх не превращает мальчишек в преступников. И нет глупой ревности. И честь не теряется.

– Тут вы ошибаетесь. Честь можно потерять и у нас. Только это не происходит за одну ночь. Как правило, нужны годы – она исчезает по крупикам, по капелькам. – Корделия помолчала. – Я знала одну женщину... Это была моя очень близкая подруга, тоже в экспедиционном корпусе. Ей... немного не везло в личных отношениях. Все вокруг нее находили себе спутников жизни, и чем старше она становилась, тем сильнее боялась остаться в стороне. Короче, ударились в панику.

В конце концов она сошлась с человеком, обладавшим совершенно поразительным талантом обращать золото в свинец. В его присутствии нельзя было произнести слова «любовь», «доверие» или «честь», чтобы не услышать умной насмешки. Цинизм дозволялся, поэзия – никогда.

Так уж случилось, что, когда освободилось место командира корабля, они были в одном звании. Она давно мечтала о повышении и работала как проклятая. Должность командира – редкий шанс, каждый рвется его получить. Но возлюбленный убедил ее – пустив в ход аргументы, которые потом оказались лживыми (он пообещал детей), – отказаться от командования в его пользу...

Прекрасный тактик. Вскоре между ними все кончилось.

После этого у нее не хватало духа начать новый роман. Так что ваши прежние законодатели придумали не так уж глупо. Людям... нужны правила, для их же собственной пользы.

В тишине шептал водопад.

– Я... когда-то был знаком с одним человеком, – донесся из темноты его голос. – В двадцать лет его женили на девушке прекрасного происхождения. Брак по родительскому сговору, но он был им доволен.

Он почти все время проводил на службе. Она оказалась свободна, богата, ничем не связана в столице среди людей... не то чтобы порочных, но намного старше ее. Богатые бездельники и их прихлебатели. За ней ухаживали, и она потеряла голову. Но, по-моему, не сердце. Она заводила любовников, как делали все вокруг. Глядя в прошлое, я вижу, что у той женщины не было иных чувств, кроме тщеславия и радости победы, но в то время... Мой друг поклонялся вымышленному образу, и когда оказалось, что его кумир вдруг разлетелся вдребезги... У этого парня был ужасный характер, и он решил драться с ее любовниками на дуэли.

Их было двое. Его не волновало, кто останется жив, он не боялся, что его арестуют. Видите ли, он вообразил, что сражается за свою честь. Он назначил им обоим встречу в уединенном месте с интервалом примерно в полчаса.

Какое-то время Форкосиган молчал. Корделия ждала не дыша, не зная, следует ли помочь ему продолжать рассказ. В конце концов он опять заговорил, но голос его потускнел и зачастил.

– Первый был таким же упрямым юным аристократом, как и он сам, и играл по правилам. Он владел двумя мечами, бился со вкусом и чуть не убил м... моего друга. Его последние слова были о том, что он всегда мечтал умереть от руки ревнивого мужа, – только лет в восемьдесят.

Чуть заметная оговорка уже не удивила Корделию. Она только подумала, не был ли ее собственный рассказ столь же очевидным. Похоже, что так.

– Второй был высшим правительственным чиновником, человеком гораздо старше него. Он не желал драться. Мой знакомый несколько раз сбивал его с ног и снова поднимал. После... после того, первого, который умер с шуткой на губах, это было почти невыносимо. Наконец, несмотря на мольбы о пощаде, мой друг заколол беднягу-министра.

Потом заехал к жене, чтобы рассказать ей, что сделал, и вернулся на корабль ждать ареста. Все это произошло за один короткий день. Она была в ярости, она сама была готова биться с ним на дуэли, будь такое возможно. Она чувствовала себя оскорбленной – и предпочла умереть. Выстрелила себе в голову из его служебного плазмотрона. Никогда бы не подумал, что женщина может избрать такой способ. Другое дело – яд или разрезанные вены... Но она была истинной форессой. Лицо ее совершенно сгорело. А у нее было прекраснейшее лицо...

Дело обернулось чрезвычайно странно. Все решили, что двое ее любовников убили друг друга. Клянусь, он этого не планировал! А она якобы покончила самоубийством от отчаяния. Никто его даже не расспрашивал.

Теперь Форкосиган говорил очень медленно.

– Весь тот день он действовал как лунатик или актер. Подавал нужные реплики, совершал необходимые поступки, и в результате ему нисколько не стало лучше. Ничего он не добился, ничего не доказал. Все было таким же поддельным, как ее любовные связи, если не считать смертей. Они были настоящими. – Он помолчал. – Так что, видите, у бетанцев есть хотя бы одно преимущество. Вы позволяете друг другу учиться на ошибках.

– Мне... больно за вашего друга. Это произошло давно?

– Больше двадцати лет назад. Говорят, старики помнят события юности более ясно, чем то, что было на прошлой неделе. Может, он уже постарел.

– Понятно.

Этот рассказ был как странный колющий дар, слишком хрупкий, чтобы его бросить, и слишком ранящий, чтобы держать. Он лег и снова замолчал, а она обошла поляну, прислушиваясь к тишине леса. Когда она закончила обход, Форкосиган спал, дрожа и мечась в лихорадке. Корделия стащила с Дюбауэра

один из обгоревших спальных мешков и укрыла его.

Глава 4

Часа за три до рассвета Форкосиган проснулся и заставил Корделию поспать пару часов. В серый предрассветный час он снова разбудил ее. Он умылся в ручье и избавился от четырехдневной щетины, воспользовавшись одноразовой упаковкой депилятора. Тоже поберег на последний день, поняла Корделия.

– Мне нужна ваша помощь. Я хочу вскрыть нарыв, выпустить гной и снова все перевязать. До конца дня хватит, а потом это уже не будет иметь значения.

– Хорошо.

Он разулся, и Корделия заставила его подержать ногу под быстрой струей водопада. Потом сполоснула его боевой нож и быстрым глубоким надрезом вскрыла страшно вздувшуюся опухоль. У Форкосигана побелели губы, но он смолчал. Зато Корделия с трудом удержала вскрик. Из разреза хлынули кровь и гной, вынося странные свернувшиеся куски, которые смывала вода. Корделия постаралась не думать о том, сколько новых микробов они вносят в рану.

Она смазала ему ногу остатками явно неэффективной мази и забинтовала последним пластиковым бинтом.

– Стало полегче. – Но он споткнулся и чуть не упал, едва попробовал идти. – Ясно, – пробормотал он. – Пора.

Форкосиган торжественно извлек последнюю таблетку болеутоляющего и еще какую-то маленькую голубую пилюлю, проглотил их и выбросил пустую аптечку. Корделия рассеянно подняла ее и повертела в руках.

– Эти штуки действуют великолепно, – сказал он, – но только пока эффект не кончится – а тогда ты падаешь, словно марионетка, у которой обрезали веревочки. Теперь у меня есть часов шестнадцать.

Действительно, к тому моменту, как они доели завтрак и приготовили Дюбауэра к дневному переходу, барраярец не только выглядел нормально, но и казался свежим, отдохнувшим и полным энергии. Оба не упоминали о ночном разговоре.

Они сделали большой круг, чтобы зайти с запада, и к полудню подошли к склону горы. Дальше путь лежал через лес, к отрогу напротив гигантской впадины. Здесь Форкосиган объявил, что пора произвести рекогносцировку. Измученный Дюбауэр свернулся калачиком и заснул. Корделия посидела рядом с ним, пока его дыхание не стало медленным и ровным, потом подползла к Форкосигану. Барраярский капитан обводил биноклем туманный зеленый амфитеатр.

– Вон катер. Они поставили его возле пещер. Видите темную щель рядом с водопадом? Это – вход.

Он передал ей бинокль, чтобы она смогла рассмотреть все получше.

– О, вон кто-то выходит. При сильном увеличении видны лица.

– Куделка. – Бинокль снова оказался в руках Форкосигана. – Он – в порядке. Но худой человек рядом с ним – это Дэробей, один из шпионов Рэднова в группе связи. Запомните его лицо: надо знать, когда нельзя высовываться.

Корделия гадала: удовлетворенный вид Форкосигана – это результат действия стимулятора или свирепая радость в предвкушении конфликта? Он наблюдал, считал и прикидывал, и глаза его блестели.

Барраярец присвистнул сквозь зубы, сразу напомним ей хищного шестинога:

– Господи, а вон и сам Рэднов! Хотел бы я до него добраться! Но на этот раз можно и подождать, чтобы людьми министерства занялся суд. Пусть только попробуют спасти своих любимчиков от обвинения в бунте! На этот раз высшее командование и Совет графов будут на моей стороне. Нет, Рэднов, ты останешься в живых – и пожалеешь об этом.

Вдруг он замер и ухмыльнулся:

– Ну вот, наконец и мне повезло. Вон Готтиан, он вооружен – значит, он командует. Мы почти у цели. Начинаем действовать.

Они отползли обратно, под прикрытие деревьев. Дюбауэра на месте не было.

– О Боже! – выдохнула Корделия, вглядываясь в заросли. – Куда он делся?

– Далеко он уйти не мог, – успокоил ее Форкосиган, хотя и он выглядел сейчас озабоченным.

Они сделали круг по лесу, пройдя метров по сто. «Идиотка! – яростно ругала себя Корделия, чувствуя, как ее охватывает паника. – И куда тебя понесло...» Никаких следов мичмана обнаружить не удалось.

– Послушайте, сейчас у нас нет времени его искать, – сказал Форкосиган. – Как только я снова стану командующим, я пошлю патруль на его розыски. С мониторами они найдут его быстрее, чем мы.

Корделия подумала о хищниках, обрывах, глубоких затонах, барраярских патрулях, скорых на расправу.

– Мы столько прошли... – начала она.

– Если я не верну себе командование, вы оба не выживете.

С трудом подчинившись доводам рассудка, Корделия позволила Форкосигану взять себя за руку, и они двинулись через лес. Когда барраярский лагерь был уже близко, он приложил палец к губам.

– Идите как можно тише. Я проделал такой путь не для того, чтобы меня подстрелили собственные часовые. А! Здесь надо лечь.

Он устроился за поваленными стволами, в высокой траве неподалеку от тропы.

– А вы не хотите просто постучать в дверь?

– Нет.

– Почему, если ваш Готтиан надежен?

– Что-то здесь не так. Не пойму, зачем они вообще сюда вернулись. – Минуту поразмыслив, он передал ей парализатор. – Если придется воспользоваться оружием, то пускай у вас будет такое, которое вы можете применить. В нем еще остался небольшой заряд – на один-два выстрела. Это тропинка между двумя постами, и рано или поздно по ней кто-нибудь пройдет. Не поднимайте головы, пока я не дам команду.

Он расстегнул ножны и затаился по другую сторону тропы. Они прождали полчаса, потом еще столько же. Весь лес словно дремал, нежась в мягком, теплом тумане.

Но вот на тропе послышались звуки шагов: кто-то прошелестел опавшими листьями. Корделия застыла в полной неподвижности, стараясь всмотреться в идущего и не поднять при этом головы. Показалась высокая фигура в ладно пригнанном барраярском камуфляже. Спокойное лицо, седые волосы. Когда офицер уже почти прошел мимо, Форкосиган поднялся из своего убежища.

– Корабик, – проговорил он негромко, но по-настоящему дружелюбно. Он стоял и ждал, скрестив руки и улыбаясь.

Готтиан стремительно обернулся, одновременно выхватывая из кобуры нейробластер. Через секунду на лице его отразилось изумление.

– Эйрел! Разведгруппа доложила, что тебя убили бетанцы. – И он шагнул, но не вперед, как ожидала Корделия по интонации Форкосигана, а назад. Нейробластер по-прежнему оставался у него в руке, словно он забыл его убрать, но пальцы крепко сжимали рукоятку. У Корделии оборвалось сердце.

У Форкосигана был чуть удивленный вид, словно такая сдержанная встреча его озадачила.

– Рад видеть, что ты не суеверен, – пошутил он.

– Мне следовало бы знать, что тебя нельзя считать мертвым... до тех пор, пока лично не увижу тебя в могиле с осиновым колом в сердце, – с печальной иронией произнес Готтиан.

– В чем дело, Корабик? – спокойно спросил Форкосиган. – Ты же никогда не был лизоблюдом министерства.

При этих словах Готтиан, уже не таясь, направил на своего капитана нейробластер. Форкосиган стоял не двигаясь и смотрел на него.

– Нет, не был, – откровенно ответил Готтиан. – Я понял, что история насчет тебя и бетанцев, которую рассказал мне Рэднов, не похожа на правду, и я намерен был позаботиться о том, чтобы она прошла через совет по расследованию, когда мы вернемся домой. – Он помолчал. – Но тогда я уже был бы командующим. Замещая капитана шесть месяцев, я наверняка получил бы этот пост. Как по-твоему, какие у меня шансы получить командование – в моем-то возрасте? Пять процентов? Два? Ноль?

– Не такие плохие, как ты думаешь, – по-прежнему спокойно ответил Форкосиган. – Планируется кое-что, о чем пока никто не знает. Новые корабли, новые возможности.

– Обычные слухи, – отмахнулся Готтиан.

– Значит, ты не поверил в мою смерть? – продолжал расспрашивать Форкосиган.

– Я был уверен, что ты погиб. И взял на себя командование... Кстати, куда ты дел секретный пакет? Мы всю твою каюту перевернули, но так и не нашли.

Форкосиган сухо улыбнулся и покачал головой.

– Не хочу вводить тебя в соблазн.

– Не важно. – Нейробластер Готтиана не дрожал. – И тут позавчера ко мне явился этот полоумный, Ботари. Он рассказал, что на самом деле произошло возле лагеря бетанцев. Дьявольски меня удивил – я-то думал, он был бы счастлив перерезать тебе глотку. Поэтому мы вернулись сюда – якобы провести

планетные маневры. Я не сомневался, что рано или поздно ты объявишься, но ожидал тебя раньше.

– Я задержался. – Форкосиган чуть сдвинулся, уходя с линии огня парализатора Корделии. – Где сейчас Ботари?

– В одиночке.

– Ему это очень вредно, – поморщился Форкосиган. – Насколько я понял, ты не стал оповещать всех о том, что мне удалось спастись?

– Даже Рэднов не знает. Он по-прежнему считает, что Ботари тебя прикончил.

– Доволен, а?

– Как кот на солнышке. Я бы с наслаждением ткнул его мордой в грязь перед комиссией по расследованию, если бы ты оказался столь любезен, чтобы погибнуть во время перехода.

Форкосиган сделал печальную гримасу.

– Похоже, ты так и не решил, чего бы тебе больше всего хотелось. Могу ли я намекнуть, что даже сейчас еще не поздно передумать?

– Ты никогда мне этого не забудешь, – неуверенно возразил Готтиан.

– Будь я помоложе и поглупее – не забыл бы. Но, сказать по правде, мне уже слегка надоело убивать – это никого ничему не учит. – Форкосиган поднял голову и посмотрел прямо в глаза Готтиану. – Если хочешь, я дам тебе слово. Ты знаешь, чего оно стоит.

Нейробластер задрожал – Готтиан явно колебался, не зная, какое решение принять. И тут Корделия заметила, что по его щекам текут слезы. «О живых не плачут, – подумала она, – только о мертвых». Значит, в следующую секунду Готтиан выстрелит.

Она подняла парализатор, тщательно прицелилась и нажала на спусковой крючок. Оружие издало только слабое жужжание, но заряда все-таки хватило на то, чтобы обернувшийся на неожиданный звук Готтиан упал на колени. Форкосиган вырвал у него из руки нейробластер, потом сорвал с пояса кобуру с плазмотроном и резким ударом свалил бывшего друга на землю.

- Будь ты проклят, - прохрипел полупарализованный Готтиан, - неужели тебя так никогда и не перехитрить?

- Будь иначе, меня бы здесь не было, - пожал плечами Форкосиган. Он быстро обыскал Готтиана, конфисковав у него нож и еще кое-какое оружие. - Кто сейчас на постах?

- Сенс - на севере, Куделка - на юге.

Форкосиган снял с Готтиана пояс и связал ему руки за спиной.

- Тебе и правда трудно было принять решение, а? - Он повернулся к Корделии: - Сенс - один из людей Рэднова, Куделка - мой.

- Но ведь это тоже ваш человек, - заметила Корделия, кивнув на связанного. - Похоже, единственное различие между вашими друзьями и врагами в том, сколько времени они тратят на разговоры, прежде чем выстрелить в вас.

- Да, - согласился Форкосиган, - с этой армией я завоевал бы весь мир, если бы мне хоть раз удалось заставить всех стрелять в одну сторону. Могу ли я одолжить у вас ремень, командор Нейсмит?

Он связал Готтиану ноги, вставил в рот кляп и выпрямился, осматриваясь.

- Все критяне - лжецы, - пробормотала Корделия, подходя поближе, а потом громко спросила: - На север или на юг?

- Интересный вопрос. Как бы вы на него ответили?

- Когда-то у меня был учитель, который вот так же отводил мои вопросы. Я считала, что это сократический метод, и страшно им восхищалась. А потом

поняла, что он прибежал к нему всякий раз, когда не знал, что ответить.

Корделия вглядывалась в лежащего Готтиана, пытаясь угадать, чем был продиктован его ответ: раскаянием или надеждой завершить неудавшееся покушение. Барраярец глянул на нее с недоумением и враждебностью.

- На север, - неохотно заключила Корделия.

Они с Форкосиганом обменялись понимающими взглядами, и он коротко кивнул:

- Что же, идемте.

Они тихо пошли вверх по тропинке, к перевалу, потом по впадине, заросшей густым серо-зеленым кустарником.

- Вы давно знаете Готтиана?

- Мы служим вместе уже четыре года, со времени моего разжалования. Я считал, что он хороший кадровый офицер. Но совершенно аполитичный. У него семья.

- Как вы думаете, вы могли бы... потом взять его обратно?

- Все простить и все забыть? Я дал ему такую возможность. Он отрекся от меня. Дважды, если вы правильно истолковали его слова. - Они снова поднимались вверх по склону. - Пост находится наверху. Кто бы там ни был, он через секунду нас заметит. Задержитесь здесь и прикройте меня. Если услышите выстрелы... - он помолчал, - действуйте по своему усмотрению.

Корделия подавила нервный смешок. А Форкосиган расстегнул кобуру нейробластера и открыто пошел по тропе, стараясь производить побольше шума.

- Часовой, докладывайте, - услышала она его громкий приказ.

- Ничего нового с... О Господи, да это же капитан!

И до Корделии донесся такой радостный хохот, какого она не слышала, кажется, уже целый век. Она прислонилась к дереву, внезапно ослабев. «И когда же, – спросила она себя, – ты перестала бояться его? Когда ты начала бояться за него? И почему новый страх настолько мучительнее прежнего? Похоже, ты от этой перемены ничего не выиграла, а?»

– Вы можете показаться, командор Нейсмит, – громко проговорил Форкосиган. Она обогнула последнюю группу кустов и взобралась на травянистый пригорок. На нем расположились двое подтянутых молодых людей в пятнистом камуфляже. Одного из них, на голову выше Форкосигана, с мальчишеским лицом, не соответствующим могучему телу, она уже видела в бинокль – это был Куделка. Он с неумным восторгом жал руку своему капитану, словно никак не мог окончательно убедиться, что перед ним не призрак. Но когда второй часовой разглядел ее форму, его рука дернулась к кобуре.

– Нам сказали, что вас убили бетанцы, сэр...

– Да, этот преувеличенный слух мне было нелегко опровергнуть, – отозвался Форкосиган. – Как видите, это не так.

– Похороны получились великолепные, – сообщил Куделка. – Жаль, что вас там не было.

– Может, в другой раз, – ухмыльнулся Форкосиган.

– Ох, простите, сэр. Ну, вы же знаете, что я не это имел в виду. А лучшую речь произнес лейтенант Рэднов.

– Не сомневаюсь. Он над ней, наверное, корпел уже несколько месяцев.

Куделка, более сообразительный, чем его спутник, громко ахнул. Второй баррарец посмотрел на него с удивлением.

– Теперь позвольте представить вам командора Корделию Нейсмит из Бетанской астроэкспедиции. Она... – Форкосиган замолчал. Корделия с интересом ждала, какой именно статус она получит. – Она... Э-э...

– Итак, она... – услужливо пробормотала Корделия.

Форкосиган плотно сжал губы.

– Моя пленная, – наконец выбрал он. – С правом свободного передвижения, за исключением секретных районов. Обращаться с ней следует со всяческим уважением.

Видно было, что оба парня буквально умирают от любопытства.

– Она вооружена, – напомнил спутник Куделки.

– Да, к счастью. – Форкосиган воздержался от объяснений, а перешел к более важным вопросам. – Кто прилетел на катере?

Куделка начал перечислять имена, его спутник изредка подсказывал.

– Ладно. – Форкосиган вздохнул. – Необходимо быстро и без шума разоружить Рэднова, Дэробя, Сенса и Тейфаса и посадить под арест по обвинению в мятеже. Позже к ним присоединятся и другие. Пока они не будут арестованы, никакой связи с «Генералом Форкрафтом». Где лейтенант Буффа?

– В пещерах. Сэр! – У Куделки теперь был довольно несчастный вид: он начал понимать, что произошло.

– Да?

– Вы уверены насчет Тейфаса?

– Почти. – Голос Форкосигана смягчился. – Их будут судить. Суд для того и существует, чтобы отделить виновных от невинных.

– Да, сэр.

Куделка принял эту слабую гарантию относительно будущего человека, который, как догадалась Корделия, был ему другом.

– Теперь ты понимаешь, почему я говорил, что статистика гражданской войны не отражает реального положения вещей? – спросил Форкосиган.

– Да, сэ. – Куделка прямо встретил его взгляд, и Форкосиган кивнул.

– Хорошо. Идите со мной.

Они снова двинулись в путь. Форкосиган взял ее под руку и почти не хромал, ловко скрыв, насколько тяжело он на нее опирается. Они шли по новой тропе через лес, то вверх, то вниз, и наконец оказались у замаскированных дверей, закрывавших вход в пещеры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/budzhold_lois/oskolki-chesti

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)